

АЛЕКС КАМА
МИРЫ И ИСТОРИИ

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ
АКАДЕМИЯ. МАГИЯ ОГНЯ

Алекс Кама

Миры и истории. Академия.

Магия огня. Книга четвёртая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71413822

ISBN 9785006502178

Аннотация

Главный герой цикла романов Алекса Кама «Миры и истории» Денис уже не растерянный, испуганный подросток, случайно попавший в цветные миры и мечтающий вернуться на Терию – к родителям, любимой девушке, в школу. Он – звезда атласской академии магии, чья сила растёт с каждым днём, вызывая зависть, страх и ненависть одних, даря бесценную надежду другим. Ведь все обитатели Атласа чувствуют, как что-то страшное наступает на цветные миры. Удастся ли спасти поглощаемую тёмными магами планету?..

Содержание

Миры и истории. Академия. Магия огня	6
Глава 1. Руколапожатие	10
Глава 2. Адиль имя твоё	32
Глава 3. Мастерство и шалопенье	45
Глава 4. Он живой!	71
Глава 5. Кузькина мать и явление Фарро	85
Глава 6. Позор Терии и магия огня	107
Глава 7. Укрощение сильфа	127
Глава 8. Спасти великого свина	143
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Миры и истории. Академия. Магия огня Книга четвёртая

Алекс Кама

Иллюстратор Маргарита Безручко

© Алекс Кама, 2024

© Маргарита Безручко, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0065-0217-8 (т. 4)

ISBN 978-5-0060-6094-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Привет! Спасибо, что зашли так далеко! Это четвёртая книга о приключениях сыпинского школьника, который однажды вечером нечаянно оказался на межпланетном корабле и улетел в другой, Жёлтый мир, где изменил ход событий и помог спасти похищенного правителя целого народа, став его героем и другом. Но даже тогда никто не мог подумать, что подросток с Земли когда-нибудь станет главной надеждой на спасение для самой боеспособной нации всех цветных миров, веками его защищавшей, но внезапно ока-

завшейся совершенно беспомощной из-за страшной эпидемии. Этот парень удивит даже Королей – и окажется первым человеком, которого примут в самое необычное учебное заведение во Вселенной, дав шанс узнать свою истинную силу, стать настоящим воином, повелителем бури, магом четырёх стихий, способным приручить разрушителя целой планеты.

Приключения Дениса в цветных мирах продолжаются...

С уважением, Алекс Кама.

Миры и истории.

Академия. Магия огня

– А мы, правда, произошли от обезьян?

– Что значит «произошли»? Некоторые побрились, некоторые накрастились.

(Фольклор)

Ещё до того, как я благодаря моему необыкновенному другу Пузатому попал в цветные миры, я часто думал, почему мы, люди, так остро реагируем на инаковость других существ. Почему противопоставляем себя им, полагаем, что мы – самые разумные в этом мире?..

Да, это мы, люди, придумали пенициллин и очки, построили города, изобрели поезда, самолёты и ракеты, научились добывать полезные ископаемые и заглядывать за пределы Галактики...

Но первые ли мы? А даже если так, делает ли это нас самыми умными? Если мы, как вид, тратим кучу времени на ерунду или, того хуже, постоянную вражду?

Мы тут, скорее, как герои анекдота:

– Почему собаки умнее людей?

– Вот вы когда-нибудь видели, чтобы собака фотографировала кость и отсылала фото другим собакам?

А если серьёзно, почему мы даже не пытаемся предполо-

жить, что где-то могут быть существа, которые во всех смыслах лучше нас? А ведь те, кто лучше нас, никогда так не скажут. Мы единственные считаем, что миры созданы ради нас.

Вы замечали, что для собаки другая собака без лапки или хвоста, или просто иной породы – такая же собака, как все остальные? Это нам порой сложно поднять глаза на человека с другим цветом кожи, иной комплекции или в инвалидной коляске. А животные просто чувствуют то, что действительно важно. И это не внешность! А ещё им плевать, сколько у вас денег, насколько вы красивы или здоровы... Это же бесценно! Но они чокнутые, раз не перестают в нас верить. Иначе кое-кто не отправлял бы на Терию «своих», чтобы они присматривали за нами. За нами, не считающими их равней...

У меня было счастливое детство. Но есть кое-что, чего я всегда боялся даже ребёнком: беды с родными.

Познакомившись с Ветрошей, я обнаружил ещё одну причину бояться... до мурашек. Я же планировал вернуться на Терию, потому что здесь мой дом. Но смогу ли я здесь защитить его? И сможет ли он сам защитить себя? Ведь он не человек! Мы с Лерой и Дим Шилычем свина маскировали, чтобы люди его не признали! А если бы на Терию оказалась Амина? Или Порш? Как скоро на них надели бы цепи и намордники? А Митро? Его запинали бы здесь в первые полчаса!..

Однажды мы – я, родители и Стелла – отдыхали в санато-

рии. И там, на летней веранде ресторана, стояла клетка с попугаем. Каждый второй человек подходил к этой клетке и начинал совать туда пальцы, приговаривая: «Ути-пути, птичка! Скажи: Кеша». Попугай ничего не говорил. Он всё время пытался метнуться к противоположной от пальцев стороне клетки, но когда болванов было несколько, и они обступали клетку со всех сторон, птица просто сжималась, вздрагивая от каждого прикосновения.

Стелла выругалась, увидев это впервые, и громко пообещала поотрывать пальцы каждому, кто подойдёт к клетке. Но люди обзывали её «бешеной старухой» – и всё равно подходили. Она не могла сидеть возле клетки круглые сутки, поэтому поскандалила с персоналом, потребовав, чтобы они убрали клетку в тихое место, где не бродит весь санаторий.

Спасла ли она попугая? Не уверен. Если его владельцев до этого момента не смущали мучения пернатого, то вряд ли они сделали для него что-то хорошее после. Стелла это понимала, но объясняла: «Я просто не смогла бы каждый день смотреть на этот ужас».

Тогда я не понял её. Сейчас понимаю. Когда представляю в той клетке Ветрошу, который, конечно, может справиться с одним врагом, с двумя, с десятком... Но никто не в силах долго бороться, если фронт на 360 градусов!

Я понимаю, почему Стелла так и не простила себя за то, что не предложила выкупить того попугая за любые деньги.

– Мы не можем всех спасти. Они бы продали его... и ку-

пили точно такого же, которого продолжали бы мучать, – пытался утешить её папа.

– Я знаю, – грустно отвечала Стелла. – Но всё равно...

Так почему обитатели цветных миров уверены, что нас на Териин стоит защищать? Кажется, я нашёл ответ на этот вопрос.

Наверное, ради таких, как парень на видео в соцсети, который едва не умер от гипотермии, потому что полез зимой в воду и голыми руками проламывал лёд, чтобы добраться до барахтавшейся в проруби собаки. Ради тех, кто во время паводка по просьбе владельцев ломал крышу их незастрахованного дома, чтобы спасти самое ценное – запертого внутри кота. Ради тех, кто как та семья, которая выхаживает осиротевших крохотных медвежат. Ради тех, кто никогда не скажет: «Это всего лишь собаки, кошки, еноты, хомяки, медведи, лошади, слоны, тигры...»

Глава 1. Руколапожатие

*«Есть только два способа прожить жизнь.
Первый – будто чудес не существует.
Второй – будто кругом одни чудеса».*
(Альберт Эйнштейн)

Как же я ошибался, когда не придал особого значения просьбе понтиуса не планировать важных дел на два вечера! И как же ошибался понтиус, думая, что двух вечеров будет достаточно!

До сих пор я даже не подозревал, насколько велика академия. Известие о настоящем эвроле в цветных мирах стало настоящей сенсацией: больше недели каждый вечер в наши апартаменты шли и шли наставники. Десятки! Высокие и маленькие, заросшие, как отшельники, и абсолютно лысые, как Тоут, безносые и с тонкими чертами лица и эльфийскими ушками, тощие, как циркули, и габаритами с садовые бочки...

Сначала мне было интересно их рассматривать. Но потом я так устал, что наконец понял шутку Стеллы: «Пока ты молод, радостно ввязываешься в любой кипеш. А вот как станешь старпёром, захочешь жить там, куда только на танке пролезешь и где связь не ловит».

Похоже, я уже старпёр.

От вида некоторых гостей я буквально вздрагивал. Например, кожа одного из визитёров была покрыта сеткой странных татуировок. У другого на каждой руке было по семь пальцев. Был даже некто, буквально похожий на чёрта, каким его описывают в наших сказках: весь тёмный, с рожками, бородкой и, кажется, хвостом под длинным балахоном.

А ещё явились несколько котов. Причём все в тёмной одежде и все до одного чёрные, без единого пятнышка. Я пихнул Митро, кивнув на очередного чёрного как уголь, крупного мурлыку в аккуратной мантии, который внимательно рассматривал Ветрошу и что-то тихо ему говорил:

– У нас на Териин все очень боятся чёрных кошек...

– У вас на Териин они что, тоже умеют огнём плевать? – заинтересовался мячик.

– Огнём? – удивился я. – Ни разу о таком не слышал. А здесь умеют?

– Пффф! – Митро посмотрел на меня, как профессор на хронического двоечника.

– Барс мне не говорил... О! – тут я наконец вспомнил, что кто-то из свинов упоминал, что коты в цветных мирах – носители магии огня, но я тогда не придавал этому значения. – Как я мог забыть! Нет, на Териин они все милые, многие пушистые. Но если чёрный кот дорогу перешёл... Всё. Кабздец.

– Что за кабздец? – уточнил Митро.

– Ну... Это значит примета плохая. Вроде как к несчастью. Если чёрный кот перешёл дорогу, всё – удачи не будет.

Двойку в школе получишь, кошелек потеряешь, споткнёшься, нос расквасишь... Как-то так.

– Погоди-ка... – Митро развернулся ко мне. – А как вы тогда объясняете двойки и потери кошельков, если коты на дороге не выходили?

Я пожал плечами:

– Случайностью.

– А вы точно умные? – хихикнул Митро.

Я снова слегка пихнул его, пожав плечами.

– Слушай... А если у вас чёрный кот перешёл дорогу обратно, он отменил своё решение или удвоил ваш кабздец? – выдал Митро и... весело заржал.

Я тоже начал было смеяться, но внезапно обнаружил, что тот самый чёрный кот, который только что разговаривал с Ветрошей, уже отошёл от него и очень внимательно смотрит на нас.

– Он же не слышал, о чём мы говорили? Сидим мы далеко, разговариваем тихо, – шепнул я, наклонившись к Митро.

Мячик перестал заливаться, резко повернулся в сторону кота, буркнув «оууу!», и ответил:

– Мигет? Охо-хо! Он знает даже то, о чём ты ещё не подумал.

«Он врёт», – услышал я в голове незнакомый голос, но сразу понял, кому он принадлежит, потому что кот, которого Митро назвал Мигетом, подмигнул мне и улыбнулся.

Я не придумал ничего лучше, как подмигнуть ему в ответ,

отчего его улыбка стала ещё шире.

Но обычно визитёры не обращали на нас с Митро никакого внимания. Просто подходили к Ветроше, как Мигет, по одному или иной раз по двое-трое, смотрели на него и переглядывались, явно общаясь между собой ментально. Иногда всё-таки они переговаривались шёпотом – часто на непонятных мне языках, а потом вежливо прощались и уходили. Некоторые при этом слегка кланялись. Птице! Они кланялись птице! Как будто мой краснопузый приятель был неким идолом...

– Паломничество какое-то! Это всё из-за тебя, Ветроша! – сказал я ему в один из вечеров, когда все уже ушли.

Будь он человеком, я бы и его пихнул в бок.

После десятого гостя я обычно сбивался со счёта и дальше просто сидел на диване рядом с Митро, наблюдая за нахохлившимся Ветрошей и размышляя, всё ли Лигант (и не только он) из того, что знает сам, рассказал мне об эвролах. Потому что было очень похоже, что дело не только в даре Ветроши управлять ветрами. Кого здесь этим удивишь?

В самый же первый вечер нашим единственным гостем был медрес факультета магии воздуха Целус. Высокий сухопарый старик с длинной, но жиденькой седой бородой, голубыми, как весеннее небо, глазами, в широких шароварах и рубашке, в забавных, похожих на обычные земные сланцы, шлёпанцах.

Когда мы с Ветрошей и Митро только подходили к апар-

таментам, он уже ждал нас, нервно ходя туда-сюда. А когда увидел, произнёс что-то типа:

– Ох, ты!

Потом расплылся в улыбке, глядя сияющими, абсолютно не стариковскими, глазами на Ветрошу, и поклонился:

– Добрый вечер!

– Это ещё кто? – кваркнул Ветроша. – Он не опасен?

Старик вытаращил глаза и весело рассмеялся, при этом его щёчки затряслись, как желе на ветру:

– А ты? Если серьёзно, я уверен, что моя история не так интересна, как твоя. Не угостите ли старика чаем, друзья мои?

– Конечно, – промямлил я. – Добро пожаловать!

И шепнул, слегка повернувшись к Ветроше:

– Не хами!

– Да, не хами! Это моя опция! – подал голос закатившийся в комнату сразу за нами Митро.

– Не буду! – послушно сказал Ветроша.

Поверить не могу, что эти двое так быстро спелись! Всю дорогу до апартаментов Ветроша и Митро в два голоса орали: «Кхрррррбра!», что, очевидно, означало, что теперь они братья навек. При этом, кажется, пернатый, способный создавать бури, за жоака признал Митро, жёлтый мячик, которому одного пинка маленького ребёнка хватило бы, чтобы улететь на другой конец Атласа!

Войдя в комнату, я устроил птицу на спинке дивана,

подсадил на него Митро, а сам сосредоточился на «заказе» угощения. Сосредотачиваться пришлось дважды, потому что появившийся из ниоткуда ароматный дымящийся чай с плиткой шоколада Ветрошу совершенно не впечатлил. Он тут же выдал недоумённое:

– А комочки?

– О, прости! Конечно! – как я мог забыть, что он душу продаст за булочки с корицей?

Ветроша перелетел с дивана прямо на столик и стал нетерпеливо топтаться там. Митро переводил взгляд с него на медера и, что удивительно, молчал. А Целус, не сводя глаз с Ветроши, в это время скромно сидел на пуфике рядом со столиком и бормотал, если я правильно расслышал, одну и ту же фразу:

– Отличный экземпляр! Какой отличный экземпляр!

Они что, других таких видели?

На этот раз Ветроша на слово «экземпляр» не обратил никакого внимания. А когда на столе появилось блюдо с булочками с корицей, вообще перестал замечать что-либо вокруг. Придвинулся ближе, распушил крылья над своими драгоценными комочками и буквально утонул в них всем своим клювиком.

Но до этого всё-таки спросил Митро:

– А ты будешь?

Ни мне, ни медеру он булочек не предложил! Вот так друг и познаётся – во время еды.

Но на самом деле я думал о другом – никак не мог понять, почему сильный и опытный маг, которому как минимум лет пятьсот, смотрит на птицу, как решившая похудеть девушка на шоколадный торт.

В какой-то момент Целус вдруг протянул руку и коснулся правого крыла Ветроши. Тот моментально вытащил клюв из очередной булочки, уставившись на медера взглядом, полным злости и одновременно паники, а у меня в голове заголосила стремительно набирающая громкость флейта.

– Стоп, Ветроша! Сто-о-оп! – я подскочил к нему и обхватил его голову, с усилием повернув её так, чтобы он посмотрел на меня и отвёл взгляд от Целуса.

Флейта резко замолчала. А в глазах птицы появилось что-то похожее на растерянность.

– Тебе не надо бояться! Это академия! Здесь не мучают учеников! – тут я услышал ехидно хихикнувшего Митро и, конечно, вспомнил, как чуть не околел в лабиринте. – Ну то есть не то чтобы... В общем, всё хорошо. Это главный мастер, который знает всё о заклинаниях ветра! Ты же хочешь знать о них всё?

– А зачем он полез мне под крыло? – всё ещё настороженно спросил Ветроша.

– Хочет оторвать и примерить! – снова хихикнул Митро.

Я, не отводя взгляда от Ветроши, показал в сторону мячика кулак, а в ответ услышал звук, явно похожий на плевок. Само собой...

– Митро шутит. Мастер просто хочет познакомиться! Говорю тебе, не бойся! Я рядом! – тут я сделал нечто для себя немыслимое: чмокнул птицу в макушку, чем, кажется, вогнал Ветрошу в ступор.

Он пялился на меня и кажется пытался сообразить, что и зачем я только что сделал, не понимая, как на это реагировать.

Удивился и Митро, пробормотав:

– Кхрррррбра?

– Тебя тоже поцеловать? – не удержался я.

– Пиу! – выкрикнул мячик и откатился от меня подальше.

– Извините, мастер! Это Митро, – сказал я, повернувшись к Целусу, как будто «это Митро» вообще всё объясняло. – Прежде чем приближаться к Ветроше и, тем более, трогать, нужно заслужить его доверие. Он должен позволить прикасаться к себе. Иначе есть риск, что от этой комнаты за секунды останутся одни руины, а я, Вы и Митро, ошпаренные чаем, как пробки, вылетим в окно. Вы с ним сначала поговорите.

Медер встрепенулся и согласно потрянул головой:

– Вы совершенно правы, молодой человек! Просто это так... великолепно! Вы даже не представляете, насколько прекрасным это выглядит! Я пытаюсь справиться с триллионом охвативших меня эмоций!

Целус уселся поудобнее, разгладил руками штаны и выразительно посмотрел на Ветрошу, который спустя мину-

ту проговорил: «Фуа» и перевёл взгляд с меня на медера. А дальше мы с Митро минут десять наблюдали, как они гипнотизируют друг друга в очевидном телепатическом контакте, то и дело синхронно встряхивая головами. Только медер периодически улыбался, а Ветроша просто приоткрывал, а затем закрывал клювик.

Наконец пернатый кивнул и демонстративно поднял вверх крылья, выжидающе глядя на Целуса. Тот сразу придвинулся ближе, выудил откуда-то очки, нацепил их на нос и почти уткнулся этим самым носом под Ветрошины крылья. Потом подался назад, снова пробормотав:

– Отличный экземпляр!

Теперь Ветроша это хорошо расслышал. Он тут же захлопнул крылья и возмущённо кваркнул:

– Сам ты экземпляр!

– Ты прав! Я тоже! Ещё какой, экземпляр-то! – мягко улыбнулся медер, чем, по-моему, обескуражил Ветрошу не меньше, чем я поцелуем.

Оба замолчали. Я решил прервать паузу:

– Ветроша, булочки остывают!

Это был аргумент. Пернатый посмотрел на блюдо, потом на меня, на Целуса, кивнул Митро: «Точно не будешь?» – и воткнул клювик в очередную булочку. А я решил, что вот он – лучший шанс побольше узнать об эвролах.

– Мастер, скажите, Вы уже видели таких, как Ветроша?

Медер разгладил невидимые мне складки на штанах и ти-

хо сказал:

– Пару раз.

– Кто они? – тут я заметил, что Митро подвинулся поближе.

Ему тоже интересно?

– Я сам знаю немного, – вздохнул медер. – Знаю, что они живут на трёх планетах тёмного мира: на Эребии, Калиге и Аменции. Знаю, что не все наши маги пережили встречу с эвролами. При этом не факт, что пострадали они именно от эвролов. Информации об этих существах мало. По последним сведениям, их всего около тысячи особей. Они владеют магией воздуха, все умеют создавать бури, но насколько глубоки их познания в этой области, никто пока не знает. Если серьёзно, степень их опасности для цветных миров тоже пока неизвестна. Некоторые считают, что маги тёмных миров управляют эвролами, но... вряд ли. Думаю, пытаются. Но эвролы не похожи на тех, кто способен слепо подчиняться.

– Но Планета Ветров... Это не тёмный мир! Откуда там взялся Ветроша?

И почему он был там один?

– Очень хорошие вопросы. Ими как раз сейчас задаются все маги академии. Королям, как мне передали, тоже любопытно... Своё потомство эвролы выращивают вместе, в течение одного-двух терийских лет после рождения птенца. Они очень преданы друг другу: когда образуется пара эвролов,

они остаются вместе на всю жизнь. Если один погибает, то второй остаётся верен своей половинке. Но этот экз... – тут он запнулся и, повернувшись в сторону птицы, слегка поклонился, хотя краснопузик в этот момент был занят булочками и его не слушал, – то есть Ветроша... Он ещё слишком молод, судя по цвету крыльев, чтобы быть тем, у кого уже была пара. По сути, это птенец. Хотя крупный. Но в любом случае, – тут Целус хлопнул себя по коленям, – Вы, молодой человек, даже не представляете, как нам всем повезло, что Вы встретили эту птицу. Потому что теперь мы можем хорошенько её изучить, понять её способности, а также выяснить, опасны ли эвролы для цветных миров.

– Он не опасен! – я сказал это со всей горячностью, на какую был способен.

– Не ори! – шепнул Митро, кивнув на поедавшего булочки Ветрошу. – Напугаешь!

– О, не беспокойтесь! – оживился Целус. – Ему ничего не угрожает. Он будет учиться осознанно применять магию, а мы за ним наблюдаем. Мастер Эилиль любезно согласился на мою помощь в обучении.

– Ух, ты! Лигант что, успел устроить онлайн-ВКС?

– Не понял, – меде́р нахмурился.

– Видеоконференцсвязь, понимаете? Нет? Ну, вы же как-то договорились?

– А вы о чём? – вдруг раздался голос Ветроши.

Он смотрел на нас, приоткрыв клювик. Съесть успел толь-

ко половину булочек, но животик у него уже надулся как барабан. Тем не менее, отойти от блюда он не спешил.

– О тебе, конечно! – пропел Митро. – Не бойся, я всё тебе разболтаю!

Это успокоило Ветрошу.

Целус сидел у нас ещё минут сорок, о чём-то вполголоса беседуя с раскинувшимся над оставшимися булочками эвролом, и разглядывал его, периодически прося повернуться то вправо, то влево. А напоследок протянул ему руку ладонью вверх. Я глазам своим не поверил, когда пернатый аккуратно поднял одну из лапок, вложил в его ладонь, и они пожали друг другу свои... э...

Это что такое? Руколапожатие?

...Только после ухода ректора я заметил, что ни к чаю, ни к шоколаду он, как и я, даже не притронулся. Ну, я-то устал. А он что, на диете? И как мне теперь незаметно спрятать шоколад, чтобы эврол его не слопал? Вдруг ему нельзя?

– Надеюсь, на сегодня все, – вздохнув, я посмотрел на Митро и Ветрошу и тут же подумал, какая странная у нас компания. – Ребята, я устал, но прогуляться не против. Пойдём?

– Гууу-ля-ееем! – весело пропел мячик и, не дожидаясь нас, скатился с дивана, припустив по направлению к двери.

– А комочки? – настороженно спросил Ветроша и посмотрел себе под животик.

– Что комочки?

– Их же украдут!

– Кто? Ты здесь кого-нибудь видишь?

Его мордашка стала очень хитрой:

– На моей планете ты меня тоже не видел...

– Ну да... Не видел. А комочки ты спёр. Ладно. Даже если их украдут, я достану тебе ещё. Согласен?

Ветроша кивнул, потоптался над блюдом, затем сложил крылья и, снова вздохнув, разрешил:

– Ладно. Подсаживай меня!

Я обхватил его за пузико, аккуратно усадил на плечо – то, которое он не травмировал, и, мысленно проговорив заклинание на рассеивание шоколада, пошёл следом за уже выскочившим из комнаты Митро. И что вы думаете? Дверь едва не врезала мне по носу!

– Могу я выйти, драгоценная дверь? – раздражённо спросил я, а когда она снова распахнулась, не сдержал сарказма. – Спасибо!

Понять не могу, почему моя дверь для меня открывается только после просьбы, а для Митро – стоит ему только подкатиться! Он даже не академикус!

В парке уже было темно, хотя огоньки светлячков в траве и на деревьях позволяли видеть тропы и очертания растений. А благодаря отсутствию фонарей мы могли любоваться звёздным небом: как будто на огромный тёмно-фиолетовый ковёр высыпали тысячи бриллиантов. Это было настолько красиво, что какое-то время мы все трое молчали и просто смотрели вверх, задрав головы. Ну, вернее, мы с Ветрошей задрали головы, а Митро закатился на спинку. Стоп, или на затылок? Спины-то у него нет.

– У меня дома небо совсем другое! – вдруг кваркнул Ветроша.

– А где твой дом? – тут же встрял Митро.

– Я... Я не знаю, – погрустнел пернатый. – Наверное, та планета, где меня нашёл Денис, не совсем дом. Я был там один. Без друзей, без родителей.

Мы молча двинулись дальше по дорожке.

Меня вдруг осенило: «А ведь у нас есть шанс найти твоих родителей».

«Как?!» – тут же отозвался Ветроша.

А я вздрогнул, поймав себя на том, что автоматом, даже не осознав этого, легко перешёл на телепатию.

– Если они живы, – это я сказал вслух, – то наверняка находятся на одной из тех трёх планет, о которых говорил Целус.

– Кто это они? – Митро опередил Ветрошу с вопросом.

– О, прости, мы телепатически говорили о родителях Вет-

роши.

– А зачем они ему сдались? Он уже вырос. Где они шатались, когда он был страшный, голый и слепой? И ты сам говорил, что он теперь наш! – в своеобразной логике Митро не откажешь.

– Подожди, Митро! – Ветроша произнёс это так трогательно, что мячик даже спорить не стал. – Денис, а ты знаешь, где находятся эти планеты?

– Знаю. Видел на картах. Они очень далеко, попасть туда сложно и, как я понимаю, неизвестно, как там всё устроено, – я посмотрел на приунывшего Ветрошу. – Но ты не грусти! Придёт время, и мы обязательно там окажемся.

– Я буду ждать, – прошептал Ветроша.

И тут вдруг встрепенулся:

– Ой! А я правда был страшный, голый и слепой?

– Как макушка Тоута! – хихикнул мячик. – Ка-а-ак маку-у-ушка!

– Я не знаю, кто такой Тоут. Но Митро шутит, да? – Ветроша потёрся о мою голову своей.

– Боюсь, что нет, – я погладил его по лобику. – Птичьи дети обычно совершенно лысые. Я тебе покажу картинки. Но потом они вырастают и хорошеют. А Тоут – это один из наставников. Ты с ним ещё познакомишься. Кстати, а почему ты на Митро не злишься?

– Ну... – Ветроша немного подумал. – Это же Митро! Логично...

– Красивый я! – проорал Митро, укатываясь от нас чуть дальше по дорожке. – Чего ты к нему пристал?

Тем временем небо как-то неожиданно быстро заволокло тучами, так что звёзды исчезли. Стал накрапывать тёплый дождь, поэтому мы, распрощавшись с Митро, пошли с Ветрошей обратно в апартаменты.

Первым делом он убедился, что его драгоценные комочки никто не присвоил. И только хотел снова усесться над ними, как я предложил ему сначала самому выбрать себе место для ночлега. Деловито осмотрев всю квартиру, Ветроша в итоге устроился на подоконнике, попросив перенести блюдо с булочками туда. При этом забавно отпятил хвостик, стараясь хоть что-то разглядеть в темноте за стеклом окна. Но, по-моему, видны там были только тёмные очертания ущелья.

Он всё ещё отпачивал хвостик, уткнувшись клювом в стекло, когда я уходил в спальню, чтобы тут же распластаться на кровати звёздочкой и крепко заснуть.

...Утром всё было, как обычно. Ну, или почти. На этот раз разбудил меня не будильник, а Ветроша, проснувшийся, очевидно, с рассветом. Когда я открыл глаза, он сидел на подушке рядом с моей головой и развлекался щекоткой моих ушей кончиками своих крыльев.

– Комочки! – прошептал он, как только понял, что я уже не сплю.

– Ты уже всё слопал? – я потёр глаза.

– Что там лопать-то было! – оскорблённо произнёс Вет-

роша.

– Тогда либо я даю тебе комочки прямо сейчас, и ты остаёшься здесь, пока я тренируюсь, либо идёшь со мной, болеешь за меня, а комочки потом, когда вместе сядем завтракать. Что решаешь?

– Ясно, что комочки! – фыркнул Ветроша.

Среагировать я не успел, потому что он тут же захихикал:

– Попался? Конечно, я с тобой!

– Отлично, юморист. Но я буду бежать. Быстро. Ты лететь за мной сможешь?

– Кхрррррбра! – возмущённо проорал Ветроша.

Не ошибся ни в одном звуке!

– Понятно. Тогда побежали-полетели!

Когда я пробежал свои стандартные три километра, а Ветроша их пролетел, первое, о чём он меня спросил:

– А это зачем?

– Что зачем? Бегаю? Мышцы тренирую. Лёгкие.

– Зачем?

– Чтобы вырасти сильным. Гибким. Выносливым.

Он посмотрел на свои лапки. Потом на мои ноги. Потом снова на свои.

И опять на мои... Затем озадаченно произнёс:

– А я не бегаю! Я что, так и останусь макушкой Тоута?

Он хихикнул. Лишь бы Тоут их с Митро не услышал.

Мячик нас встретил у полосы препятствий. Ветроша тут же продемонстрировал свою радость, облетев его три-

жды. Он бы и на четвёртый круг пошёл, если бы Митро не подпрыгнул до уровня моего колена и не проорал:

– Спускайся и устраивайся поудобнее! Сейчас нашего бить будут!

И оказался прав. Отсутствие тренировок в течение нескольких дней сказалось на мне не лучшим образом. Стартовый хук первой же куклы я пропустил очень бездарно, сразу оглохнув на одно ухо, по которому пришёлся удар противника. Краем глаза успел заметить, как оба моих напарника – круглый и пернатый – бок о бок сидят у кромки тренировочной полосы и явно о чём-то спорят. Дальше я не обращал на них никакого внимания, пытаюсь пройти полосу и не собрать все удары и оплеухи от моих спарринг-партнёров. Только в конце, когда уже свалился со стены – почти как в самый первый раз, лёжа на травке, почувствовал знакомый лёгкий пинок в плечо и увидел спускающегося ко мне по воздушной спирали Ветрошу.

– Я тебе говорил, что он свалится! – раздался возле моего уха торжествующий голос Митро.

– Я Митро перо проспорил! Макушка ты Тоута! – Ветроша приземлился и сделал вид, что вот-вот меня клюнет.

– Хорошие вы друзья. Я думал, вы за меня переживать будете! А вы ставки делали!

– Со ставками сильнее переживается! – кваркнул Ветроша, а Митро тут же дунул мне в ухо.

– А если бы выиграл ты? – спросил я пернатого. – На что

вы договаривались?

– Тогда бы ты добывал мне комочки всю мою жизнь, – радостно объявил Ветроша.

– Я и так снабжаю тебя комочками, – я попытался хихикнуть, но тело ломило так, что даже смеяться было больно. – Митро тебя нагрел!

Мячик, когда пернатый пискнул: «Ах ты, хитрый жёлтопуз!» и сделал вид, что хочет его клюнуть, заржал во весь голос, закатившись на затылок.

А когда Ветроша начал щекотать его крыльями по всему периметру, вообще зашёлся в хохочущем визге.

После завтрака (овсянки с изюмом, сырников, йогуртов, хотя пернатый снова лопал только булочки!) я услышал зов Эилиля: «Я уже час вас жду, весёлое трио! Шевелитесь!»

«Трио?» – я немного удивился.

И тут же услышал в голове смех наставника: «Я жду дуэт. Но разве есть кто-то в свободном цветном мире, кому по силам остановить Митро?»

– Эилиль ждёт наше весёлое трио, парни! – я встал из-за стола. – Нам пора к фонтану.

– Ничего без меня не могут! – обрадовался мячик.

Он нёсся так, что мы с Ветрошей от него отстали. И очень удивились, когда увидели его выкатившимся из-за угла уже нам навстречу с вытаращенными глазками:

– Залёт! Их там трое! И этот, страшный...

– Голый? – деловито спросил Ветроша, свесившись в сто-

рону Митро у меня с плеча.

– Нет. Но этот и в одежде страшный, – буркнул Митро, очевидно, решивший дальше катиться так, чтобы, если что, успеть спрятаться за мной.

Как выяснилось, он имел в виду Арэйса. Двое других – Эилиль и Целус – выглядели такими симпатягами, что даже если захотели бы, своим внешним видом не напугали бы и хронического паникёра.

– Оставь птицу – и за мной! – без всяких приветствий кивнул мне Арэйс.

– Как я его оставляю? На кого?

– На нас с Целусом, – усмехнулся Эилиль. – Так что иди. У тебя занятия.

– Иди! – поддержал его Митро. – Я прослежу, чтобы они не обидели краснопузого!

Я снял Ветрошу с плеча и, взяв за бочка, повернул лицом к себе:

– Ты останешься с наставниками...

– И со мной! – не унимался мячик.

– Да, и с Митро. А мне нужно заниматься. Ничего не бойся. Никто тебя не обидит. Все здесь желают тебе только добра. Ну что? Пойдёшь к Целусу на плечо? Или к Эилилю?

– Пусти! – он попытался вырваться из моих рук.

Я подчинился. Ветроша тут же взлетел на бортик фонтана:

– Я отсюда их прекрасно услышу!

Эилиль с Целусом переглянулись, улыбнулись и синхрон-

но кивнули.

А это действительно будет интересно.

Я двинулся за Арэйсом.

Глава 2. Адиль имя твоё

«Глазам своим не верю!

Оружие, которое работает».

(к/ф «Доктор КТО», 2005 год)

Какой же он высокий! И ноги, как палки: длинные и не гнутся!

Там, где он делал шаг, мне приходилось проскакивать три.

– А Вам Ветроша совсем не интересен? – спросил я почти на бегу, чтобы успеть за ним. – Все тут кипят, шипят и пузыряются от восторга, а Вы словно каждый день эвролов видите.

Арэйс мой вопрос словно не заметил и, даже не оглядываясь, сказал:

– Пришло время подобрать тебе оружие, которое будет твоим в реальном мире. Я, кстати, помню, что тебе нравится одноручный меч...

– Да. Он самый удобный!

– Я бы поспорил. Но... – тут он издал скрипучий звук, лишь отдалённо похожий на смех. – Дело вкуса. Или его отсутствия.

– Стелла говорит: что для одной дурак, то для другой – возможный брак.

Тут я чуть не врезался в остановившегося Арэйса.

– Что-то не так, наставник?

Он какое-то время помолчал, немного опешив, потом пробормотал:

– Интересная особа твоя Стелла!

Затем резко сорвался с места, быстро набрав прежнюю скорость.

– Вы даже не представляете насколько! – буркнул я вслед ему.

На этот раз наставник лишь чуть притормозил, но останавливаться и оборачиваться уже не стал.

Когда мы подошли, вернее, он подошёл, а я подбежал, к большому круглому холму, сплошь заросшему деревьями и кустами (думаю, если посмотреть на него сверху, то он выглядит просто как обычный лесной холм), Арэйс огляделся и тут же сдал влево. Затем он раздвинул кусты, чем-то похожие на шиповник, только очень высокие и без колючек, и опа...

Дверь! Тёмная, массивная, явно из какого-то ценного и крепкого дерева, отделанная почерневшими от времени резными металлическими пластинами. Если бы я строил замок, то именно такие там бы и ставил...

Оказалось, дверь закрывала вход внутрь холма. Там что, дом? В холмах никто, кроме толкиеновских хоббитов, жильё не строит. А даже если бы и строил кто-то, то зачем такому, как Арэйс, вежливо и даже осторожно, будто извиняясь за беспокойство, стучаться к этому землерою? А он посту- чал!

Дверь открылась почти моментально. Как будто человек в проёме ждал этого стука. Ну, то есть кто он, я не знал... Но выглядел как человек. Только очень большой: я своей макушкой ему едва до пупка достану. Загорелый, черноволосый, с тёмными глазами, которые уверенно смотрят на тебя, будто видя насквозь, с мускулами, как у настоящего борца, и кулаками размером с хорошую дыню. Одет он был в длинную оранжево-алую рубаху с золотым тиснением, тёмные брюки – с золотым же узором, а обут, как ни странно, в блестящие, явно мягкие бордовые сапожки. Только накидки с перьями и не хватало. А так этот парень выглядел, как будто гардеробную Киркорова обчистил.

– Арэйс? – голос у него был глухой и будто сердитый.

– Приветствую тебя, Веланд, – как-то опять слишком, на мой взгляд, вежливо произнёс Арэйс. – Это очередной академикус. Некоторые считают, что он не без таланта. Ему нужно оружие.

Веланд уставился на меня, будто хотел прожечь взглядом. Стало, если честно, немного не по себе. Настолько, что я поднял руку, как в классе на уроке, и, не дожидаясь реакции, выдал единственное, что пришло в голову:

– Я Денис!

– Меня это должно как-то взволновать? – сурово спросил великан, сдвинув брови.

А когда увидел, что я совсем растерялся и перепугался, усмехнулся. Затем ещё раз. И ещё. А потом его смех пере-

шёл в очень забавный – глухой и громкий – гогот. Мы с Арэйсом переглянулись, и оба в молчании уставились на него. Великан ржал всё громче и громче и не успокоился до тех пор, пока из уголков его глаз не потекли слёзы.

– Ну что ж, – отсмеявшись, качнул головой Веланд, – если Денис, заходи. Денисам здесь всегда рады. Подберём тебе что-то получше проволоки или зубочистки.

Арэйса он пропустил первым, затем – меня и, видимо, для ускорения слегка хлопнул по спине.

Кто он вообще такой? Завскладом оружия? В таком фриковском прикиде?

Мы вошли в одну из самых просторных прихожих, что я когда-либо видел, с такими же основательными, как дверь, шкафами вдоль стен, массивными стульями и огромным столом в центре. Слева был проём без двери, который вёл в какой-то очень длинный коридор.

Да какого же размера этот его холм?

– Садитесь, Арэйс, – кивнул гигант на один из стульев. – Я налью Вам лимонаду.

Он достал из ближайшего шкафа запечатанную бутылку с золотистым напитком, легко и будто нехотя ударил по её горлышку ребром ладони, вышиб пробку и протянул бутылку Арэйсу, который с невозмутимым видом взял её и сделал пару глотков. Мне лимонаду никто из них не предложил.

– Ну, Денис с далёкой и прекрасной Тери... Какое оружие ты предпочитаешь?

Интересно, откуда он знает, что я с Тери? Я же ему не говорил! И Арэйс при мне тоже.

– А что, Вы уже знаете, что я тот, кто приручил эврола? – спросил я, набравшись нахальства.

– Какого эврола? Нет. Но я знаю, что ты тот, кто спровоцировал бардак с про...

– Веланд! – прервал его Арэйс, а потом добавил, когда великан посмотрел на него. – Это мы обсуждать не будем.

– Как скажете, – ответил Веланд, примирительно вскинув руки.

Я озадачился: какой ещё бардак? И с какими такими «про...»?

С прогулами? Так я вроде не прогуливал... С провалами? С проблемами? Ничего не понимаю, но, похоже, обитатели Оранжевого мира умеют сплетничать не хуже нас, людей. Стоп, а что, если Веланд тоже с Тери?!

– Ты не ответил на вопрос, – напомнил мне наставник и снова отхлебнул лимонаду.

– Одноручный меч! – выпалил я. – Я люблю одноручный меч!

– Хороший выбор, – кивнул черноволосый. – В умелых руках грозное и эффективное оружие. Идём-ка!

Идём? Куда? Что вообще парень в штанах с аппликациями из парчи на штанах может понимать в оружии?

Тут Веланд резко развернулся и размашисто шагнул к проёму в коридор.

– А он кто? – шёпотом спросил я Арэйса, прежде чем бежать следом.

Но тот лишь отмахнулся. Дескать, иди, куда велено.

Я потопал за Веландом, ещё раз оглянувшись на Арэйса. Он раскинулся на стуле и, будто в кофейне на набережной, расслабленно потягивал лимонад. Выглядело это так, словно он уже забыл о нашем существовании.

Пока мы с позолоченным шли, я не переставал удивляться размерам этого бункера, который будто чем дальше мы шагали, тем сильнее расширялся.

В итоге Веланд привёл меня в ещё больший, чем гостиная, зал, все стены которого сплошь были увешаны всевозможным холодным оружием, собранным по типам клинков. Узких и широких, длинных и коротких, изогнутых и прямых, как спица для вязания, с зазубринами и гладких... Но там он не остановился, прошёл этот зал насквозь, после чего мы попали в небольшую комнату исключительно с одноручными мечами. Ими были увешаны все стены – сверху донизу! А в некоторых местах даже просвета не было.

Веланд развернулся, приглашающе провёл по воздуху рукой, кивнул на ближайшую стену и глухо сказал:

– Ну вот, выбирай!

– А как? – я был в недоумении. – Как я выберу? Они же не... Они абсолютно одинаковые! Они похожи, как близнецы-братья!

– Ты сейчас плюнул в душу мастеру, болван! – я не по-

нял, пошутил он или сказал это всерьёз. — Ещё раз такое брякнешь, будешь до конца жизни драться исключительно розовыми пластиковыми швабрами. Смотри на них, разочарование моё кудрявое! Здесь всё легко. Просто смотри и слушай сердце. И не только сердце. Голову, руки, свой внутренний голос... Как только что-то почувствуешь внутри, ты поймёшь. Но учти: выбирать будешь не только ты. Меч тоже будет решать, подходишь ты ему или нет. Если вы совпадёте, будете хорошей парой. Созданной друг для друга. Непобедимой.

Чего? Меч будет решать?

— А если мы не совпадём? — этот вопрос взволновал меня больше всего, ввиду микроскопичности шанса угадать, какому из сотен клинков вдруг смогу понравиться я.

Не говоря уже о том, что звучало это, как полный бред.

— Не страшно, но не так приятно. Если ты отличный боец, то будешь таковым с любым клинком. Но именно твой и только твой меч раскроет тебя как бойца, даст лёгкость и виртуозность, которая может сделать тебя практически непобедимым. Великим. Легендарным. Так что, давай, шевели тапками, время выбирать оружие добра, мечты и победы!

Сказав это, он сделал паузу, затем скрестил руки на груди, облокотился о стену и стал, не мигая, смотреть, как я, смущаясь, брожу по залу и осматриваю мечи.

Мне было по-прежнему не по себе. «Шевели тапками»?

Ладно. В этом месте, похоже, нужно делать то, что говорят.

А всё-таки, кто он такой? Кузнец? Хранитель? Воин, ставший хранителем? Или всё-таки фрик-завскладом?

Некоторые из мечей были очень красивыми. Например, клинок с глянцевой коричневой рукоятью и золочёным эфесом. Я снял его со стены, но толком рассмотреть его Веланд мне не дал:

– Достань его из ножен и сделай короткий удар по воображаемому противнику.

– А можно ещё?..

– Нельзя. Делай, что я сказал!

Я послушался. Достал клинок (как же красиво он звякнул!) и рубанул воздух. Здорово-то как! Да с этим мечом я...

– Повесь на место! – гаркнул Веланд, обломав весь мой восторг.

– Но почему? Разве это не то? – удивился я. – Он же замечательный!

– Он замечательный. И ты молодец. Но вы с ним как бегемот и заяц в паре. Повесь на место и ищи дальше!

Это я, что ли, бегемот? Или, того хуже, заяц? Что это за метафоры? Но спросил я о другом:

– А почему именно мечи?

– Не понял! – Веланд сдвинул брови.

– Ну в наше время есть орудия более серьёзные... И на них с мечом идти будет как-то странно...

– То есть?

– Ну, то есть как в анекдоте: «С тобой мой меч! И мой топор! И мой лук! Мужики, тут такое дело... Короче, они на танках». Танки – это такая штука...

– Смешно, – буркнул Веланд, но даже не улыбнулся. – Я знаю, что это.

Не трать моё время, танкист. Ищи свой меч, пока я добрый.

Добрый он, ага. За два часа я перебрал около сотни мечей, но все они оказались, по мнению Веланда, не мои. История каждый раз повторялась: я что-то выбираю, пытаюсь рассмотреть меч получше, затем колю или рублю воздух, и он тут же рывкает:

– Повесь на место!

Он вообще планирует дать мне меч?

– Идём дальше! – приказал Веланд, когда я после громкого окрика с демонстративным вздохом повесил на место очередной «не мой» клинок. —

И сделай лицо не таким кислым. Бесишь.

Я его бешу? Да мне уже хочется ему врезать! Он только рывкает на меня и ничего не объясняет!

В следующем зале, куда Веланд меня привёл, оказалось не так красиво. Если там, где меня обозвали то ли бегемотом, то ли зайцем, все мечи были новенькими, красивыми, блестящими, с обтянутыми новой кожей рукоятями, то здесь висели старые, потёртые, тусклые, я бы сказал, даже сильно потрёпанные мечи.

– О, у вас тут ломбард? – не удержался я.

– Смотри внимательно, юморист! – Веланд начинал злиться. – Хочешь меч? Ищи!

Я повернулся, рассматривая мечи и быстро утрачивая остатки энтузиазма, потому что не видел абсолютно ничего интересного. Какая-то лавка оружейного старьевщика... Что я здесь найду?

Но не скажешь же Веланду: «Да ну Вас с вашим металлоломом! Пойду в другой магазин!»

Я медленно шёл вдоль стен по кругу, оглядывая оружие и размышляя о том, почему мне здесь ни один из мечей не хочется взять в руки. Но вдруг на третьем обороте мой взгляд буквально споткнулся о клинок в белых потёртых ножнах с серебряной гардой и рукоятью, которая была обтянута старой белой кожей в заметных трещинках, больше похожих на паутинку. Он был странный. Как вещь, которую годами не брали в руки и не чистили, но она всё равно выглядит... дорогой.

И вот к этому мечу моя рука будто сама потянулась. Как я мог сразу-то его не заметить?

Меня будто кольнуло в живот, когда я схватил его, но это было очень чудное покалывание. Не болезненное, а... предвкушающее! А когда я достал меч из ножен и крепко взял в руку, то сразу почувствовал, что рукоять будто сделана по мне и для меня. Тут в животе снова слегка кольнуло, затем – прямо в предплечье. Тоже не больно, а словно... Слов-

но кто-то дружески шлёпнул по руке.

Я не стал дожидаться команды Веланда – размахнулся и рубанул мечом воздух. И тут же вздрогнул, услышав едва различимый шёпот со всех сторон, а на клинке – вроде бы изначально гладком – синим огнём вспыхнули древние руны... Ничего себе у них тут спецэффекты! У меня чуть дыхание не остановилось. Что это вообще такое?

Я повернулся к Веланду, который удивлённым почему-то совсем не выглядел. Скорее, заинтересованным:

– Так тому и быть! За мной, мальчик!

– Уже не бегемот? Не заяц? Не танкист? – его подобревший голос ободрил меня настолько, что я не удержался.

– Болтун! Я всё-таки выдам тебе швабру! – усмехнулся Веланд.

Но, похоже, швабра мне уже не грозила.

В прихожей Арэйс всё ещё пил свой лимонад.

Увидев нас, он отставил бутылку и слегка наклонился в мою сторону.

– Ну, что ты выбрал? Новодел? Или сумел добраться до раритетов?

– Вы не поверите, Арэйс! – ухмыльнулся Веланд. – Он прибрал к рукам Адиль.

– Адиль?! – вот тут я впервые в жизни увидел удивление на лице Арэйса. – Шутите! И тот его признал?

– Как видите! Он у него в руках!

– Подождите... Я что-то не понимаю, – я решил прервать

их диалог. – А чего вы так разволновались? Меч – он и на Атласе меч. Кстати, а что, у мечей на самом деле бывают имена? Не только в сказках?

Арэйс предупреждающим жестом остановил меня:

– Не говори того, о чём можешь потом пожалеть. А если есть вопросы, задавай их вежливо. Очень вежливо. Особенно если пока не понимаешь, кто или что находится перед тобой. И да, у мечей есть имена. Но только у повидавших многое на своём веку и прославившихся в боях. А у некоторых мечей, кстати, не одно великое имя.

– Не одно? Как у породистых щенков на Терири? Что-то вроде «Ройал Нордик Вайнд Пойнт Гриффиндор»? Но все зовут его «Парамошка»? – получилось, по-моему, смешно, но развивать шутку я не стал, потому что Веланд тут же вздёрнул брови и показал мне кулак. – Ну и чем он знаменит, этот мой Адиль? – я поднял меч ближе к лицу, руны на нём уже исчезли.

– Это долгая история, – ответил Арэйс. – В двух словах не расскажешь. Но интересная. Поэтому ты лучше сам почитай всё, что найдёшь.

– Поверь мне, тебе понравится, – подмигнул мне Веланд.

– И, кстати, этим ты выразишь оружию своё уважение, – продолжил Арэйс. – Будешь понимать, с чем, – тут он улыбнулся, – или с кем имеешь дело. А ещё поймёшь, почему ты должен сделать всё, чтобы не опозорить Адиль.

Теперь идём. Но сначала поблагодари мастера Веланда

за подарок, которого ты, возможно, совсем недостоин.

Благодарить? А за что, если, по его же словам, меч меня выбрал? Но вслух я этого, к счастью, не сказал. Наставнику ответил Веланд:

– Нет-нет! Не говори так, Арэйс, – он потянулся, как на разминке, и звучно хрустнул плечами. – Мои мечи никогда не ошибаются.

Глава 3. Мастерство и шалопенье

«Готов Вас выслушать, если Вам очень хочется мне об этом сказать».

(Джейн Остин, «Гордость и предубеждение»)

Когда Веланд закрыл за нами дверь, мы с Арэйсом некоторое время шли молча. При этом наставник будто что-то обдумывал, хмурия брови и изредка морщась. Не будь он великим Арэйсом, я бы решил, что он мне... Что? Завидует?

Мне очень хотелось усесться на ближайшем пеньке, снота достать меч из ножен и как следует его рассмотреть. Но я топал следом, стараясь производить как можно меньше шума и интуитивно понимая, что будет лучше, если Арэйс сам со мной заговорит.

Но это пока единственное, что я понимал. Вопросов о мече и о человеке, который его выдал, было столько, что я боялся, если задам их, показаться полным болваном.

Наконец Арэйс почувствовал моё нетерпение. Он резко остановился и так же резко развернулся ко мне с раздражённым:

- Ладно, спрашивай!
- Я ничего не говорил!
- Ты слишком громко думал!
- Ладно. Веланд. Он кто?

– Кузнец. И хранитель.

– Просто кузнец? – он шутит, что ли. – И Вы чуть ли не с поклоном заходили к обычному кузнецу? Вы? Маг?

Арэйс помолчал, глядя мне прямо в глаза, а потом уголки его губ дрогнули в лёгкой улыбке:

– Я не знаю до конца, как всё устроено в твоём мире, но здесь, если ты знаешь и любишь своё дело хотя бы наполовину так же хорошо, как Веланд своё, все – даже маги и Короли – готовы признать, что тебе нет равных. Мастерство ведь – в своём роде та же магия. Даже важнее, потому что мастерство во всех смыслах – это нечто настоящее.

– Типа он гений? – не удержался я и задал вопрос.

– А сам ты как думаешь, Денис?

– Если честно, я не знаю, что думать... Мне кажется, я слышал это имя раньше. Но разве это возможно? Он тут, я там...

– Невозможного не бывает, – Арэйс немного подёргал плечами, но с места пока не двигался. – А «тут и там» не так уж далеко друг от друга. У тебя есть ещё вопросы?

– Миллион!

– И ты весь миллион хочешь озвучить?

– Вопросы нужно вовремя задавать, иначе получится как со скамейкой президента.

– Не понял, – Арэйс нахмурился.

– Вы помните, что у нас на Терию есть короткие смешные истории? Анекдоты.

– Помню. И ты мне сейчас...

– Да. Расскажу ещё один. Президент увидел в окно солдата, навывтяжку стоявшего около самой обычной скамейки, велел вызвать его к себе и спросил: «Что вы делаете, солдат?» Солдат ответил: «Охраняю скамейку». «Но зачем?» «Я не знаю, командир приказал». Вызвали к президенту командира части, где служит солдат. «Зачем солдат охраняет скамейку?» «Я не знаю, господин президент! Её уже охраняли, когда я стал командиром». Вызвали к президенту предыдущего командира, который уже стал генералом. «Зачем этот пост у скамейки?» «Не знаю, он ещё до меня был. Я думал, традиция». «Какая?»

«Не имею чести знать». Президент вызвал его предшественника. «Скамейку уже охраняли, когда я стал командиром, – отрапортовал ещё один генерал. – Я решил, это важный стратегический объект». Президенту стало очень интересно, и он приказал вызвать к себе всех командиров, которые служили в этой части, по цепочке. Все явились и все заявили, что пост – традиция. А потом оглядели друг друга и один заявил, что среди них нет самого первого командира, Ивана Ивановича Буруна, которому уже под сто лет: «Может, он знает?» Президент попросил найти ему номер Буруна и позвонил ему лично: «Иван Иванович, помните, 60 лет назад Вы были командиром кремлёвского полка?» «Конечно, помню, господин президент!» «Здесь солдат до сих пор охраняет скамейку. Я хотел у Вас спросить...» «До сих

пор? – изумился старик. – Ёшкин дрын! Неужели краска на ней так и не высохла?»

Арэйс улыбнулся:

– Хорошая история. Но на миллион вопросов не тянет. Можешь задать ещё пять.

– Скажите, а этот меч...

– Адиль. Ты даже не представляешь, как тебе повезло.

– Да, Адиль... Мне его насовсем подарили? Или я могу пользоваться им только в стенах академии?

– Не только. Теперь Адиль твой, куда бы ты ни отправился, – голос его стал удивительно спокоен, как будто это не он несколько минут назад злился непонятно на что. – Но он твой только на всю твою жизнь. Передарить его кому-то или передать по наследству ты не сможешь. Вернее, можешь попытаться, но ничего хорошего это твоим наследникам не принесёт. Поэтому, когда твой путь закончится, Адиль вернётся обратно в хранилище к Веланду – ждать нового избранного.

– А как он вернётся-то? – я всё ещё не понимал до конца, почему Арэйс с таким уважением говорит о вещи, пусть даже волшебной.

– Адиль и ему подобные возвращаются по-разному. Иногда их привозят потомки, иногда – падальщики, которые ходят по полю битвы и ищут, чем можно поживиться. Бывает, что мечи пропадают на столетия, а потом оказываются у какого-нибудь героя... Или не героя. По-разному бывает.

Но неизменно одно: такие мечи никогда не служат кому попало.

– Я тогда перед каждым боем буду брать с врагов слово, чтобы они, если удастся меня прикончить, обязательно отвезли меч Веланду! – ляпнул я и тут же понял по немигающему взгляду Арэйса и его поджавшимся губам, что шутка ему не понравилась.

Но он ничего не сказал. Молча развернулся и двинулся дальше.

Я поспешил за ним.

– Наставник, а Адиль нужно точить? – спросил я, решив новыми вопросами сгладить дурацкое впечатление от слов о клятвах перед боем.

– И точить, и чистить. За любой вещью нужно ухаживать, – невозмутимо ответил Арэйс. – Иначе всё, что угодно, превратится в хлам.

– А лично у Вас есть свой главный меч?

Наставник снова резко остановился и, медленно повернув голову, посмотрел на меня:

– А сам как думаешь?

– Думаю, есть. И, думаю, он тоже особенный. Ну и как его зовут? Эскалибур?

Тут произошло нечто совершенно для меня неожиданное: вечно суровый Арэйс вдруг фыркнул и... начал хохотать, да так громко и заразительно, что мои губы тоже расплылись в улыбку, хотя я вообще не понимал, что его так рассмешило.

– Эскалибур... Эс-ка... Эс... Ну надо же! – приговаривал он, всё ещё продолжая смеяться.

– Что не так? – я чувствовал себя полным болваном. Вот чего он ржёт?

– Ничего. Сам потом поймёшь, – наставник развернулся и снова двинулся по тропе. – Дюрандаль. Имя моего меча – Дюрандаль, – бросил он на ходу.

Тем временем показался фонтан с драконом. Там уже не поговоришь толком! Я поспешил уточнить:

– А где мне с Адилем заниматься?

– Бери его с собой каждое утро.

– И завтра?

– Ты уже перебрал свой лимит в пять вопросов. Что непонятного в словах «каждое утро»? Хочешь – не бери. Но я в любом случае устрою тебе новые сюрпризы на полосе препятствий.

У фонтана Арэйс не задержался. Слегка поклонился Эилилю и Целусу, которые энергично о чём-то спорили, окинул быстрым взглядом сидевшего чуть в отдалении нахохлившегося Ветрошу и катающегося кругами рядом с ним Митро, а затем, не оглядываясь и не прощаясь со мной, прошёл мимо них дальше по тропе. И, кажется, так и продолжал смеяться.

Я подошёл к Ветроше и тихо, чтобы не сбить наставников в их жарком (до покрасневших носов и щёк!) споре, спросил:

– Как дела?

– Да шалопенье какое-то! – вместо Ветроши тут же ответил Митро, притормозив в своём нарезании кругов. – Но ты скажи ему! Скажи, чтобы не ныл! Во-первых, мы не сдадимся! Во-вторых, бородатые, наверное, сами начудили. А этот сразу: «Караул, я никто, я улечу в горы, я утоплюсь в ближайшей луже, я обожжусь комочков, я отгрызу себе когти, я ошпилю себе перья, я оторву себе клюв...» Достал! Истеричка!

– У меня ничего не получилось! – хмуро подтвердил Ветроша. – Я очень старался, делал всё, что они мне говорили, но ничего не вышло. Наверное, ты ошибся, Денис. Я урод и бездарь...

– Вот! – Митро подкатился ко мне и пнул по ноге. – Видишь, с чем я весь день имею дело? Скажи ему, чтобы перестал ныть. А то я сам ему клюв оторву!

– Ты не сможешь! – вздохнув, грустно сказал Ветроша. – У тебя рук нет.

– По больному бьёшь, индюк ты краснопузый? – пискнул Митро и тут же, развернув лицо в мою сторону, подмигнул. Так он, хамя, просто пытается отвлечь Ветрошу?

– Да я не хотел... – пернатый явно смутился.

– Стоп! Никто никому ничего отрывать не будет! И никто никого не дразнит! Хорошие люди так не поступают!

– А мы не люди! – надул щёчки Митро.

– Но вы же хорошие? – решил я поймать его на слове и повернулся к Ветроше.

Странно. Я сам до сих пор не понимаю до конца, как маленькая птица могла делать то, что делала, хотя сам видел последствия. Тем более не понимаю, почему сейчас у неё не получается.

Как же мне ободрить Ветрошу? Я погладил его по красному пузику.

– Слушай, это нормально, когда на первом этапе что-то не выходит. Никто не становится магом по щелчку! Видел бы ты, как я первое время косячил!

– Точно косячил? – заинтересовался Ветроша.

– Он король косяков! – вставил своё Митро. – Мастер шалопенья!

– Поверь мне! Это хорошо, кстати, что ты постоянно сомневаешься.

Не сомневаются только дураки! А магия – это очень тонкая и деликатная штука. Сначала нужно её почувствовать, ухватить самую суть, а дальше... Дальше само пойдёт!

– А что это у тебя такое? – Ветроша кивнул на меч.

– Да. Что это ты нам притащил? – поддержал его мячик.

– Это...

Но ответить я не успел.

– Денис, подойди к нам, пожалуйста! – обратился ко мне Эилиль.

Утешая Ветрошу, я даже не заметил, что они с Целусом закончили ругаться и оба, стоя бок о бок, внимательно смотрят на нас.

Оставив Ветрошу на том же месте, на бортике фонтана, где он и сидел, а Митро – у бортика, я пошёл к наставникам.

– Можешь забирать своих красавчиков. Мы закончили на сегодня, – сказал Целус.

– Ветроша расстроен...

– Пусть отдыхает, а мы с Эилилем, – тут наставники переглянулись и кивнули друг другу, – должны подумать и решить, как действовать дальше. Пока у нас больше вопросов, чем ответов.

И тут же оба одновременно исчезли.

Что интересно, Адиль в моих руках они даже не заметили.

Я посадил Ветрошу на плечо и двинулся к нашему с ним жилищу. Митро обогнал нас и молча покатился впереди.

– Так что это? – снова спросил Ветроша.

Мячик тут же развернулся, с любопытством уставившись на меч.

– А вы посмотрите! – я слегка притормозил и, убедившись, что от фонтана нас уже не видно, достал клинок из ножен.

– Какая красивая палочка! – обрадовался Ветроша.

– Не совсем палочка, – сказанное пернатым меня позабавило. – Это оружие, Ветроша. Острое. Опасное. Но для нас оно – друг. Оно будет нас защищать. Меня, тебя...

– И Митро? – деловито уточнил он под растроганным взглядом мячика.

– Конечно. И Митро, – усмехнулся я, удивляясь, как мя-

чик ухитрился так быстро и так сильно обаять Ветрошу, что тот без него уже жить не может.

– Хорошо! – на полном серьёзе заявил пернатый.

Почти всю дорогу я отвечал на его вопросы о мече: почему у него есть имя, где и у кого я его взял, как он работает. Вообще не умолкал! Хорошо хоть отвлёкся от идеи ошипать себе перья и оторвать клюв.

Я предложил:

– Давайте-ка посидим где-нибудь и рассмотрим меч хорошенько. Хотите?

Ветрошу аж затрясло от любопытства. Я уселся под ближайшим деревом, аккуратно снял оружие с плеча, поставил на траву и только тогда взялся за меч.

– А он из чего? – спросил подкатившийся поближе Митро, как только я достал клинок из ножен.

– Металл. Какой, не спрашивай. Представления не имею, что это за сплав.

– А почему не блестит тогда?

– Потому что он очень старый. А блестят только новенькие мечи.

– А тебе-то зачем всякое облезлое старьё? – кваркнул Ветроша и тут же испуганно взвизгнул: «Кхrrrrrrбра!», отскочив в сторону, когда увидел, как по всему клинку вдруг засияли синим светом древние руны.

– Тихо-тихо! Не надо бояться! Он за нас! – попытался я успокоить Ветрошу. – Просто не называй его старьём. И же-

лезякой. И металлоломом.

И хламом. Никак по-плохому не называй. Потому что он... Он с характером!

И это шедевр, неужели не видишь? Ну же! Иди посмотри на него как следует.

Ветроша продолжал неуверенно топтаться в нескольких шагах от нас и от всё ещё сияющего рунами Адиля. А вот Митро разве что не уткнулся в меня, стараясь разглядеть надписи на клинке и бурча себе под нос: «Ядрёные кукусики! Чтоб мне лопнуть!»

– Ветроша! Иди сюда сейчас же! – настоял я.

– Да! Шевели перьями! – поддержал меня Митро.

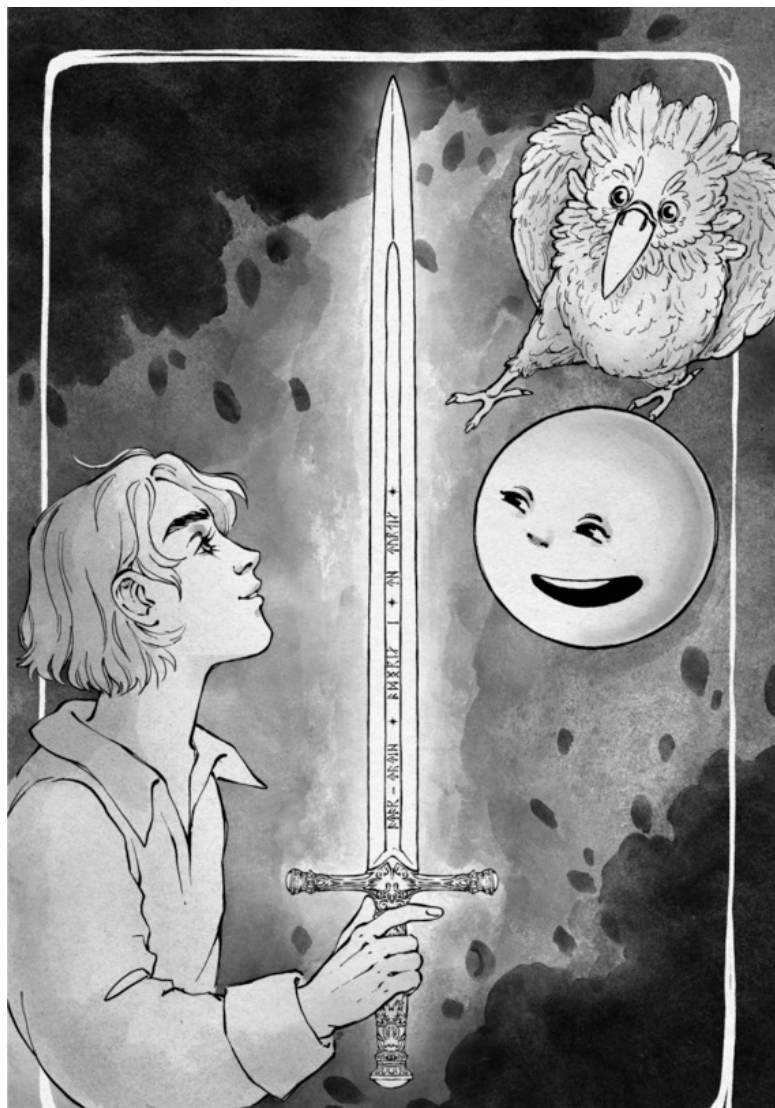
Пернатый начал бочком продвигаться к нам. Но хитро и медленно: два птичьих шажка к нам, шаг от нас – и снова топтанье.

– Иди уже! – возмутился мячик. – Хватит там мяться!

– Страшно! – признался Ветроша.

– За мной спрячешься!

Невероятно, но этот довод сработал на все сто процентов: пернатый в несколько прыжков доскакал до нас и действительно пристроился за Митро.

Затем он слегка высунул голову, чтобы лучше разглядеть Адиль у меня в руках. То есть он реально решил, что Митро – надёжный защитник? Обычный мячик?

Ну, ладно, необычный. Но всё-таки.

Я вдруг вспомнил рассказ Стеллы из её детства, который она сама назвала «очень поучительным».

– Помните, я рассказывал вам про Стеллу? Маму моего папы?

Мячик и пернатый синхронно кивнули. Вернее, Ветроша кивнул, а Митро просто накатился себе на нос и откатился обратно.

– Она говорит, что никогда не надо спешить с выводами. Когда ей было тринадцать, она и две её подруги однажды решили увильнуть от уроков физкультуры. Подделали записки от родителей и принесли преподавателю. Очень уж им не хотелось бежать пять километров на лыжах...

– Что такое лыжи? – деловито уточнил Ветроша.

– Узкие палки, которые крепятся к ногам, чтобы можно было быстро катиться по снегу.

– Катиться? На палках? – пернатый посмотрел на меня, как на сумасшедшего. – Ладно. А что такое снег?

– Вода в виде спрессованных снежинок.

– Ага... А что такое снежинки? – не отставал Ветроша.

– Да заколебал ты уже! – неожиданно пришёл мне на помощь Митро. – История про Стеллу, а не про снежинки! Да-

вай ты потом устроишь своё «хочу всё знать»!

Ветроша открыл было клювик, но ничего не сказал.

– Продолжай! – кивнул мне мячик.

– Так вот, учитель был добрым и верил в людей. Так Стелла мне сказала. Поэтому если ему и показалось странным, как могло внезапно ухудшиться самочувствие разом у всех трёх девушек, то он никак этого не проявил. Попросил лишь не бродить по школе, а пойти, например, в актовый зал и посидеть там тихо, повторяя домашние задания по другим предметам.

Но девочки делать этого не собирались. «У меня были карты Таро, понимаешь, о чём я?» – подмигнула мне Стелла.

– А... – начал было Ветроша.

– Если ты спросишь, что такое карты Таро, я тебя покусая! – объявил Митро.

Пернатый надулся, но замолчал.

– Когда Стелла с подругами вошли в актовый зал, то увидели там новенькую уборщицу, которая, отставив швабру, руками надраивала пол.

– Здравствуйте! – хором сказали девочки ей в спину.

Уборщица не повернулась и мыть пол не перестала.

– Фу, как невежливо! – сказала тогда Стелла.

Они решили просто пройти мимо уборщицы. И вот когда поравнялись с ней, женщина вскинула на них глаза, и Дина, одна из подруг Стеллы, сказала ей: «Невоспитанная старая грымза!»

– А-а-а? Что?..

Митро на этот раз не пришлось ничего говорить: Ветроша сам оборвал свою реплику под сердитым взглядом мячика.

– Грымза – это оскорбление, Ветрош, плохое слово, обидное, – пояснил я. – Стелла сказала мне, что никогда не забудет смесь шока и огорчения, которые она увидела тогда в глазах уборщицы, но в тот момент даже не поняла, что видит именно их, хотя она им даже не ответила. Но потом девочки решили пожаловаться физруку, не упустив и того, что они высказали женщине всё, что о ней думают.

– А она видела ваши лица в этот момент, когда вы высказывались? – упавшим голосом спросил учитель.

– Ну да... – и уже по его тону Стелла поняла, что они с подругами сделали что-то не то.

– Она глухонемая, девочки. Я буду вам очень благодарен, если вы пойдёте к ней и извинитесь.

«Так стыдно, как в тот момент, мне не было больше никогда в жизни», – призналась мне Стелла.

– Они извинились? – поинтересовался Митро.

– Конечно!

– Хорошо, – вздохнул мячик и повернулся к Ветроше. – Вот теперь валяй!

Как ни странно, пернатый на него даже не обиделся и, встрепенувшись, сразу спросил:

– А глухонемая, это кто?

– Женщина, которая не слышит и не может говорить,

но умеет читать по губам. Уборщица не слышала Стеллу и её подруг, но увидела, как они её оскорбили.

Митро и Ветроша переглянулись, после чего пернатый сказал:

– Я не хотел оскорбить твоё оружие. Скажи ему, чтобы не обижалось...

– Скажу, – пообещал я, давая улыбку.

– А это что? – кивнул Митро на полустёртые надписи, нанесённые на клинок от гарды до его середины.

– Пока не знаю. Но похоже на арабскую вязь... Я не знаю этого языка и пока не могу прочесть. Но, надеюсь, удастся найти хроники и выяснить историю этого меча...

«Эпическое свинство»!

Голос в голове прозвучал так неожиданно, что я аж подпрыгнул от гневного рывка Тоута, едва не уронив меч и прямо напугав этим начавших синхронно пятиться Митро с Ветрошей. Но я успел заметить, что Митро отступал, как и обещал, прикрывая собой Ветрошу. Надо же!

«Что не так?» – мой отклик, кажется, вышел грубоватым.

Но Тоут этого даже не заметил, демонстрируя просто феноменальный талант ораторствовать телепатически: «Ты ещё спрашиваешь? Серьёзно? Здесь, на Атласе, появился эврол, он живёт у тебя, а я – я! – узнаю об этом от академикусов! Случайно и последним в Оранжевом мире! Кто ты после этого?»

«Ваш любимый ученик?» – решил я сострить, надеясь, что это хоть как-то погасит гнев наставника.

Частично это сработало.

«Какого... Да ты... Да я тебе...» – Тоут был явно обескуражен моей наглостью.

Я поспешил закрепить успех, пока он ещё не определился с наказанием:

«Мы как раз собирались к Вам, но Эилиль и Целус весь день занимались с Ветрошей... Мы хоть сейчас готовы навещать Вас!»

«Рысю!» – раздалось у меня в голове.

Рысю так рысю.

«Нет. Галопом»!

Ну, хорошо, хорошо, чего орать-то?

«Пулей!» – гаркнул Тоут так, что у меня в мозгах зазвенело.

Интересно, можно ли оглохнуть от телепатического крика?

– Митро, мне придётся взять тебя на руки, если ты идёшь с нами к Тоуту. Он хочет увидеть эврола. Причём срочно.

– Да ну! – мячик тут же откатился подальше и в очередной раз удивил меня своей сообразительностью. – Он что, орал?

Я кивнул.

– А кто такой Тоут? – деловито спросил Ветроша. – Ой, это тот, голый?

– Он очень хороший парень! – хихикнул Митро. – Красивый, как Зелёный Король, добрый, как бабушки свинов, ласковый, как семеро котят. Короче, Денис расскажет. Пока,

палепусики!

Последнюю фразу он прокричал, уже набирая скорость и со смехом улепётывая от нас по тропинке.

Ветроша, глядя ему вслед, задумчиво спросил:

– Если Тоут хороший, хоть и голый, то почему Митро убежал? В его словах что-то не то...

– Конечно, не то! Он просто нас подкалывает! – я погладил пернатого по пузику и, обхватив его тельце руками, поднял и посадил на плечо. – У Тоута не забалуешь, не разболтаешься, поэтому Митро и смылся. А как наставник он очень хорош. Он многому меня научил. И тебя научит. Правда, выглядит немного необычно, но ты всё равно не бойся. Ты ему обязательно понравишься.

– Точно? – неуверенно спросил Ветроша.

– Точно. Держись крепко!

Телепортация на факультет менталистики прошла без приключений. Мы поднялись на второй этаж и, двигаясь мимо гигантских книжных шкафов, слышали усиливающееся по мере приближения к Тоуту ворчание:

– Невероятное! Фееричное! Свинство! Я знал, что люди неблагодарны, но этот... Да как он...

– Мастер? – когда мы дошли до нужного крыла библиотеки, я выглянул из-за шкафа, почувствовав, как Ветроша с невероятной для него скоростью вдруг перебрался мне на загривок и продолжил там копаться. – Мы здесь!

Тоут развернулся, прервав свой монолог, и рукой поманил

меня выйти из-за шкафа и подойти ближе. Я подчинился.

– Повернись-ка... Он что, решил спрятаться у тебя под майкой? Что ты ему про меня наплёл?

– Я ничего не плёл. Секунду! – я извиняющимся жестом сложил ладони вместе. – Ветроша! Не чуди, а?

– Кхрррррбра! – упрямо кваркнул Ветроша, что прозвучало как «Отстань!», и продолжил зарываться ко мне под футболку.

– Прелесть какая! Кхрррррбра... – иронично усмехнулся Тоут. – Что, у эврола уже есть наставник?

– Волнуется! – вздохнул я и развёл руками.

– Ладно, пусть успокаивается пока. А ты присаживайся, – Тоут кивнул на один из пуфиков сбоку от его стола, а сам традиционно уселся на самый край. – И расскажи-ка мне, где ты его нашёл и как сообразил притащить сюда.

Следующие полчаса я повторял историю нашего знакомства с Ветрошей, который, кажется, умудрился-таки почти полностью закопаться у меня под футболкой.

Тоут слушал, не перебивая. Когда я закончил, поинтересовался, как прошло первое занятие с Целусом? На Адиль он даже внимания не обратил.

– Видимо, не очень удачно. Но меня там не было...

– Шалопенье! – кваркнул Ветроша из-под уже безнадежно растянутой на спине футболки.

– Ага... Значит, шалопенье... – Тоут поёрзал на столе. – А он не хочет вылезти оттуда? Или так и будет из-под майки

цитировать Митро?

– Телепатически с ним легче договориться. И Митро ругать нельзя! – прошептал я одними губами.

Тоут меня понял и жестом попросил развернуться, чтобы видеть спину, где под футболкой прятался Ветроша. Я развернулся и застыл.

По ощущениям мы так сидели около десяти минут, пока я не почувствовал, что Ветроша, цепляясь коготками за футболку, начал вылезать наружу. А как выбрался, забрался на плечо, отряхнулся, хлопнув меня крыльями по щекам и ушам, потом слетел на стол, протопал по столешнице к Тоуту и... уселся прямо на протянутую наставником ладонь. Обалдеть просто!

– И что дальше? – я почувствовал себя третьим лишним.

– Дай нам полчаса! Кажется, это будет очень... интересно! – ответил Тоут, явно любующийся эвролом.

– Тогда дайте мне свечу! Мне тоже есть чем заняться!

Честно говоря, мне было немного обидно, как быстро Ветроша спелся сначала с Митро, а теперь с Тоутом. Меня он чуть с планеты не сдул, пока я несколько дней добирался до его поляны, а потом плясал там «танец с бубнами».

Я ревную, что ли?

Но лучше подумаю об этом в другой раз. Сейчас мне надо хоть что-то выяснить об Адиле.

Я оставил Тоута с Ветрошей в библиотеке, а сам пошёл на улицу. Устроился на факультетской лужайке. Зажёг свечу,

поймав себя на мысли, каким привычным и даже лёгким для меня всё это стало...

Мои запросы в ментальном мире в библиотеку цветных миров – «Хроники Адиля», «Истории легендарных мечей» – быстро дали свой результат: список книг был таким внушительным, что мне, кажется, понадобится месяца три, чтобы все их перечитать! Впрочем, в обычных библиотеках я бы убил не одно столетие, чтобы только найти все эти упоминания... Но что делать сейчас? Если ответы мне нужны немедленно?

Видимо, задавать правильные и более точные вопросы...

«Кто создал Адиль?»

Ответ прилетел тут же, но абсолютно не порадовал: «По преданию, Адиль создал Сефлакс».

Ага, и всё понятно. А если спросить: «Кто такой Сефлакс?», то я узнаю, что он кузнец, молодец и мамин любимчик... Совсем не то!

«Как создавали Адиль? Для кого и почему?»

На этот раз получилось лучше. Я даже зачитался этой беллетристикой...

Оказывается, есть легенда о расе обере, которая давным-давно жила на далёкой планете Силиса. Эти существа жили дружно и счастливо. Занимались охотой, рыболовством, земледелием. Но однажды на планету пришло абсолютное зло. Страшные кровожадные твари стали нападать на поселения обере, не щадя ни взрослых, ни детей. Обере

стали покидать обжитые места и уходить на восток, но твари множились и шли вслед за переселенцами, сея боль и страдания. Большинство обере жаловались на плохие времена, возмущались, что никто не может остановить это зло, но при этом сами даже не пытались сопротивляться, заявляя, что они не воины...

Были ли среди них смелые, готовые дать отпор врагам? Да. Но их было мало.

Наконец вести о набегах злой силы дошли до охотника Яриси. Глядя вслед убегающим соплеменникам, он усмехнулся: «Врага в слезах не утопишь», и начал собирать свою армию – храбрых мужчин и женщин, не готовых сдаваться.

И вот как раз в эти тяжёлые времена в маленькой деревне на склонах гор жил мастер-оружейник Сефлакс. Лучший из всех. Его стрелы летели точно в цель даже у новичков, пробивая самые толстые шкуры, а его ножи резали даже железо.

И вот однажды ночью Сефлаксу было видение, что он должен создать особенный меч для героя, который соберёт великую армию и пойдёт биться с абсолютным злом.

Мастер собрался и ушёл в горы, чтобы там – в пламени горного дракона – выковать меч, в раскалённое железо которого он влил свет самой яркой полуночной звезды и лучи восходящего солнца, вплетя в них струи непокорного ветра синих гор. А закалял Сефлакс свой меч в пенных ледяных струях горного водопада.

«Был тот клинок лёгок, как дыхание ветра, и прочен, как базальтовая скала, — читал я древние хроники. — И нарёк он свой клинок „Адилъ“, что значит „справедливость“. И написал мастер на клинке слова древнего терийского драматурга: *„Если сила соединится со справедливостью, то что может быть сильнее этого союза?“* И вышел Сефлакс в долину, и увидел войско великое, впереди которого храбро шёл смелый Яриси. Вручил Сефлакс свой меч Яриси и сказал ему: „Если хочешь одержать победу, бей в самое сердце противника!“ И налетел храбрый Яриси со своим войском на тварей кровожадных. И сверкали на поле битвы молнии и были ураганы. Жаркое пламя жгло кровожадных тварей. Казалось, что клинок впитал в себя всю силу планеты Силиса, и сейчас планета встала на защиту обере. Два дня и две ночи бились обере. Многие храбрецы сложили головы, но победили обере ту силу злобную. И воцарились на планете Силиса мир и благоденствие».

Прочитав всё это, я не мог не подумать о том, что очень уж вся история похожа на миф. Словно прошла через тысячи посредников, и каждый добавлял в неё что-то от себя. Красиво, но... Что это за герой, которого назвали Яриси? Абсолютное зло? Лучи солнца с ветром в клинке? Серьёзно?

Я, конечно, учусь на мага, знаю, что чудеса случаются, но это же не значит, что я должен вообще в любую дребедень верить?

Дальше что будет? Танцы единорогов, карета с розовыми

пони, хрустальные туфельки и эликсир бессмертия из хвостиков летучих мышей и усиков комаров, сваренный на кипячёном молоке колибри?

Но, допустим, вся эта чушь с Ярисы – чистая правда. Что было потом?

Ещё что-нибудь почитать, что ли?

Ну я и почитал на свою голову. Как говорится, чем дальше в лес, тем ближе Бабка-ёжка...

Судя по хроникам, Адиль кочевал по разным мирам. Даже на Терию побывал. Принадлежал большому парню Святой Горе, который подарил его другому большому парню – Элайе, отдав ему свою силу... А тот потом стал настоящим героем...

Стоп. Чего? Святая Гора и Элайя? Святогор и Илья? Они тут совсем за идиота меня держат? Видимо, совсем: судя по хроникам, спустя несколько столетий этот же меч вытащил из камня молодой король...

– Да чтоб вас! Я разве сказки всех миров и народов заказывал? Нашли дурачка! Если у меня в друзьях колобок, говорящие коты и поросята в костюмах, то мне и Король Артур с Ильёй Муромцем сгодятся? Мне нужны реальные хроники! История, а не легенды! – проорал я в пространство.

Но хроник с точными датами и местами сражений в библиотеке не было. Только истории, множество историй, больше похожих на легенды, как и сказка про Ярисы. Если отключить здравый смысл и поверить в них, то... То выходит,

что Адилем в разное время и в разных мирах владели пятьсот восемьдесят семь героев. То есть, если каждый был с ним хотя бы лет по десять, то ему...

Ему почти шесть тысяч лет?

Сигнал об окончании сеанса застал меня в полном раздрае. Но я даже обрадовался, потому что злился, устал и хотел всё обдумать. В том числе, кому из наставников я могу задать интересующие меня вопросы, чтобы в ответ не получить очередную сказку о Змее Горыныче, которому этим Адилем отрубили все головы, о Соловье-разбойнике с выбитыми мечом зубами, о Кашее, Чингачгукке, Лешем, Геркулесе и прочих выдуманных Бармалехах...

Я поднялся с газона, забрал остатки свечи и отправился обратно на факультет, где за тем же столом обнаружил до предела уставшего Тоута и сияющего, как начищенный таз, Ветрошу. Я даже спросить ничего не успел. Пернатый, увидев меня, сразу проорал:

– У меня получилось!

И тут же толкнул, дунув лёгким порывом ветра, мне в грудь.

В этот момент я понял, почему так радуются наши мамы и папы, когда нам что-то удаётся. Сам, несмотря на своё состояние после изучения хроник, почувствовал себя гордым родителем... Но от вопроса не удержался:

– Но как, Тоут? Как Вы справились так быстро?

– Я не сделал почти ничего, Денис, – наставник потянулся

до хруста в спине, и было видно, что он устал. – Просто наш Ветроша – фантастически одарённый эврол!

Только я хотел сказать, что я с этим абсолютно согласен, как чуть не подскочил от невероятной догадки, буквально потеряв дар речи: меч короля Артура... Эскалибур... Это же его он достал из камня!

Так вот почему смеялся Арэйс? Мой Адиль и есть Эскалибур?

Глава 4. Он живой!

«Человек, который верит в сказку, однажды в неё попадает, потому что у него есть сердце».

(Сергей Королёв)

Заснуть в этот вечер мне удалось далеко не сразу. Сначала было очередное паломничество наставников. Затем мы с Ветрошей рассматривали меч и болтали-болтали-болтали!

Я несколько раз протёр Адиль бархатной салфеткой и попытался взять его снова точно так, как сделал это в первый раз. Но, как ни странно, сияющие голубым светом руны больше не проявлялись. Я даже начал сомневаться, а были ли они...

Но нет, точно были! Я же не спятил! Но тогда почему меч больше не реагирует на меня так, как при нашей первой встрече?

Ох! Вот жуть! Я что, уже думаю о нём, как о живом существе? Так я скоро начну одушевлять штаны, стаканы и диван... Хотя сравнение, конечно, неудачное. Если меч действительно незаменим, и другого такого нет...

Вопрос: как мне носить его, если он со мной на всю мою жизнь? Не в рюкзаке же. Не в кармане. Не за пазухой.

Я попробовал нацепить его на пояс, но сразу понял, что затея так себе. Адиль колотил меня по ноге при каждом дви-

жении. А ещё Ветроша, посмотрев на меня с мечом на боку, заваркал так, что можно было не сомневаться: он откровенно посмеивается надо мной.

О, а что, если взять ремень и затянуть его петлёй на ножнах? Тогда получится приладить его на спину, перетянув ремень от плеча к бедру!

Получилось замечательно. Так клинок абсолютно не мешал движениям, даже рукопашного боя, и кроме того, я легко мог доставать его при необходимости.

До того, как завалиться спать, я решил попросить подставку для Адиля. Мог, конечно, просто наколдовать, но тогда она была бы временной – и пришлось бы постоянно плести заклинания, чтобы конструкция не рассыпалась и меч не шлёпнулся на пол. А что-то мне подсказывало, что вариант «шлёпнуться на пол» мечу бы не понравился...

О, я что, опять подумал о нём, как о живом?

Впрочем, тот, кто выполнил мой «заказ», явно тоже считает, что меч заслуживает уважения: появившаяся словно по мановению волшебной палочки подставка была из самого настоящего красного дерева с отделкой из перламутра, хотя я о таких деталях даже не думал.

Подставку я установил прямо в центре комнаты. Так, чтобы видеть Адиль из любого конца моих апартаментов. Аккуратно устроив меч в ложбинах стойки, я обернулся к наблюдавшему за мной Ветроше:

– Ну что, спим?

Пернатый кивнул. Но поспать мне удалось ещё не скоро: Ветрошу, оказывается, до сих пор так распирало от восторга, что он, удобно устроившись на спинке моей кровати, трещал ещё несколько часов.

Сама по себе его трескотня дремать мне не мешала. Но он же ждал ответов! И, если я вдруг не отвечал, начинал щекотать мои уши кончиками своих крыльев и истошно орать:

– Денис! Ты что? Ты тут? Дени-и-и-с! Де-е-е-ни-и-и-с! Ты что, меня не слушаешь?

Приходилось подсказывать, почёсывая уши, и бормотать:

– Да-да, согласен!

Хорошо, что Ветроша не жулик. Потому что в эту ночь он мог раскрутить меня на что угодно. Я соглашался со всем, что он нёс. Предложи он мне изобразить страуса, воткнувшего голову в песок, или взять кредит под сумасшедшие проценты, я бы и тогда сказал «да», настолько уставшим себя чувствовал и поэтому дико «тормозил».

Похоже, Ветроша по уши влюбился в Тоута и умудрился до мурашек смутить меня своими расспросами о нём, когда я понял, что сам почти ничего о моём наставнике не знаю. И ведь даже не пытался узнать!

Стыдоба! Это надо будет как-то исправить.

...Поспать мне удалось только тогда, когда успокоился Ветроша. Часа два. И на этот раз нас обоих будил будильник – звуками тамтамов, постепенно набирающими гром-

кость, так что притвориться, что мы их не слышим, не мог ни я, ни Ветроша.

Тамтамы прекратились, как только я коснулся ногами пола. Продирая режущие от недосыпа глаза, я убедился, что Адиль так и лежит там, где я его оставил – на подставке. Я протопал в ванную. Но даже ледяная вода не сильно помогла мне проснуться.

Заказав сок из сельдерея и свёклы (решил, раз он невкусный, то должен взбодрить), я поделился им с Ветрошей, который безучастно сунул клювик в стакан, глотнул, а потом бухнулся головкой в грудку и снова заснул.

Вздыхнув, я натянул штаны, футболку, взял меч и спросил посапывающего Ветрошу, готов ли он лететь со мной на пробежку и на занятия. Вопрос пришлось повторить. Громко. Только тогда пернатый встрепенулся: «Да-да, полетели», и снова в дрёме бахнул клювом себе в грудку.

– Ну так полетели? Или сладких снов? – я сделал последнюю попытку, хотя предпочёл бы, чтобы он всё-таки поспал, настолько трогательно и беззащитно он выглядел спящим...

– Да-да! – Ветроша встряхнулся, фыркнул, потоптался, снова встряхнулся. – Куда летим?

– За мной летим! – взяв в руки свой сказочный меч и приладив его за спиной, я тоже встряхнулся, пока мы с Ветрошей ждали, когда дверь соизволит открыться после моего запроса с двумя «пожалуйста» и одним «спасибо».

Никак не привыкну, что с дверями на Атласе нужно счи-

таться.

Первый раз сказочным я назвал Адиль ещё вчера, когда выдал Ветроше все героические легенды о мече, какие только нашел в хрониках.

Что интересно, его они своей мифичностью абсолютно не смутили. Наоборот, он был в восторге как от Артура с Яриси, так и от Ильи Муромца.

И вот почему:

– За спинами таких героев, – говорил Ветроша, – можно спрятаться всем маленьким и слабым! Даже нужно! Потому что настоящие герои маленьких и слабых никогда не бросают!

Я попытался охладить его пыл:

– Ветроша, всё это бабкины сказки! Ну, ладно... Не бабкины. Но сказки.

– Почему? – возмутился пернатый.

– Да потому, что нет ни одного документального подтверждения, что все эти спасатели слабых и маленьких жили на самом деле. Я верю только фактам! И вообще, ты не думал, что это слабые и маленькие их выдумали, просто чтобы им жилось не так страшно, чтобы у них была надежда?

Ветроша сначала обиженно помолчал, а потом, потряхнув головой (как будто его только что осенило), спросил:

– А помнишь, ты рассказывал мне, как попал в цветные миры?

– И что?

– Нет, скажи, ты помнишь?

– Конечно, помню. К чему ты клонишь?

– А к тому, что ты сам признавал, что до встречи с Пузатым в пришельцев не верил! Но это не значит, что их не было!

Вот же обормот!

Мало мне жёлтого! Ещё один философ на мою голову!

На пробежке нам с Ветрошей всё-таки удалось немного взбодриться – настолько, чтобы уже не дремать. При этом он с полдороги начал летать зигзагами, периодически покрикивая: «Фуа!», «Крааа!», «Оурри!» – и только один раз проорал: «Кхрррррбра!», спугнув задорным ветерком стайку местных птиц.

Что это всё значило, я не понимал, но, поскольку его голос звучал весело, а флейта в моей голове, когда он баловался ветром, играла как-то даже непривычно ласково, я решил ни о чём не спрашивать. Явно же – радуется.

Мне самому хотелось быстрее попасть на полосу препятствий и увидеть, что приготовил для меня Арэйс. При этом я понимал, что мне – с Адилем или без него – сегодня наверняка наваляют.

Арэйс ждал нас у начала полосы – в позе наблюдающего за салагами сержанта: ноги на ширине плеч, руки скрещены на груди, брови нахмурены...

Вместо приветствия на моё «здрате» наставник резко сказал:

– Не расслабляться!

– Да я никогда... – начал было я оправдываться.

Но он тут же меня прервал:

– Сегодня ты должен колоть и рубить по-настоящему. Так, как будто борешься в реальной битве, где можешь погибнуть. Ты меня понял?

Интересненько...

– А Вам не жалко этих моих несчастных спаррингов? Я же их покрошу на конфетти!

– Надеюсь, что так и будет, – кивнул Арэйс. – Вперёд! – он указал взглядом на стартовую позицию. – Кстати, у них оружие тоже настоящее.

Чего-о-о?!

Я буквально остолебенел. Посмотрел на Ветрошу, уютно устроившегося на одном из кустов. Он, похоже, либо не услышал того, что сказал Арэйс, либо не понял.

Я перевёл взгляд на непроницаемое лицо наставника. С минуту мы смотрели друг на друга, после чего Арэйс вкрадчиво спросил:

– Чего-то ждёшь?

Не жду. Боюсь. Хотя понимаю, что бояться уже поздно.

Собравшись с силами, я на ватных ногах двинулся к стартовой позиции и сразу увидел их: четырёх кукол с мечами, стоящих клином в боевой стойке. Одна впереди, три других сзади неё полукругом.

– Всего четыре? Арэйс, Вы меня разочаровываете! Вчет-

вером кроты напали на простого ёжика! Слишком поздно осознали, что он друг бульдожика! – проорал я через плечо в каком-то отчаянном порыве и тут же, рывком вытащив Адиль, бросился на поджидавших меня кукол.

Я очень хотел напасть сам, но они меня опередили. И, когда я парировал удар, мечи ударились друг о друга, высекая искры, с таким сочным звоном, что у меня отпали все сомнения в словах Арэйса о боевом оружии у моих спарринг-партнёров.

Моё сердце в этот момент закатилось куда-то в район пятток, потому что я понял, что никогда ещё не слышал этого звука в реальном, а не ментальном мире. При этом мой страх был тягучим, липким, как грязный пот, который хочется побыстрее отмыть. Да ещё ноги вдруг стали ватными...

Кукла будто почувствовала моё состояние и начала лупить своим мечом так мощно и часто, что я еле успевал отбиваться и пятиться.

«Соберись, тряпка! Соберись, тряпка!» – одно из любимых Стеллиных выражений буквально набатом звучало у меня в голове. Хотя, как я должен собраться? Мне вот-вот нос отсекут. Или что ещё хуже...

– Врежь ему, сморкач! А то я с тобой больше водиться никогда не буду! Харумпампам-барам-урам! – вдруг раздалось откуда-то сбоку.

Митро!

Как ни странно, его жизнеутверждающее хамство в оче-

редной раз помогло мне собраться с духом, вернуть контроль над эмоциями и над телом, а затем найти в себе силы сделать то, что нужно. Что же, у каждого ёжика свой... бульдожек.

Раз я не могу пока нападать, то должен внимательно смотреть на противника, концентрироваться на защите и отражать удары продуманно, а не хаотично, угадывая их за несколько секунд до того, как кукла замахнётся своим оружием. Смотрю – делаю, смотрю – делаю...

Я настолько сосредоточился на умном ведении боя, что сам не заметил, как у меня вдруг получилось, отразив очередной удар, успеть уколоть куклу прямо в грудь. А ещё в этот момент я почувствовал, что... не чувствую тяжести меча в своей руке – он стал словно её продолжением! Взмахнув Адилем снова, я рубанул по кукле сверху вниз – и она тут же развалилась на две части.

Я что, разрубил её пополам? Вот так просто?

Да я всё могу! Кто молодец?

Не знаю, что это был за прилив сил, откуда он взялся, и почему я вдруг перестал бояться. Но трёх следующих кукол я превратил в кучу мусора меньше чем за три минуты!

Впрочем, я не радовался, понимая, что это ещё не конец. Во-первых, впереди препятствия, а во-вторых, куклы на старте нападали по одной.

А если бы они налетели все вместе? От меня бы здесь костей не осталось...

Даже Адиль – до чего же хорош: режет, как по расплав-

ленному маслу! – не смог бы мне помочь!

Атаку по «двое на одного» перед болтающимися кольцами я тоже отбил, хотя несколько раз был буквально на грани, когда чужие мечи появлялись буквально в сантиметре от меня. Я чувствовал, что выдыхаюсь. Но вот что невероятно, рука с Адилем по-прежнему была как новенькая! Хотя именно ею я и работал. Да, нет... Не может быть, чтобы он отдавал мне часть своей силы! Или... может?

Перед болотом с кочками на меня напали одновременно три противника. Времени на стратегию не было. Ни секунды. Но тело моё будто само решило в разбеге упасть ногами вперёд и по инерции, лёжа, пролететь между двумя куклами, затормозить у них за спинами и, быстро поднявшись, рубануть слева направо по всем трём сразу, а потом, слегка опешив, смотреть, как они разваливаются на части.

Когда я перебирался через болото, то уже понимал, что перед пропеллерами и маятниками нас с Адилем встретят четыре куклы. Ждать по-джентльменски, пока мы разбираемся один на один, они точно не будут.

Стоп! «Нас с Адилем»? Я, правда, так подумал? Да что со мной такое? Это же всего лишь меч! Ножик! Только большой и старый!

А спустя пару минут этот «большой и старый» за одну секунду стал будто серым вихрем в моей руке, сметающим всё на своём пути. И да, я двигался очень быстро (весь бой занял секунд двадцать, как потом сказал Арэйс), но, по моим

ощущениям, я был как будто в замедленной съёмке, успевая замечать абсолютно всё и оценивать действия – свои и кукол.

Когда всё закончилось, и я перебрался через предпоследнее препятствие, мои руки будто чугуном налились. Воздуха не хватало. Я медленно крутился вокруг себя, со странным чувством глядя на изрубленных кукол.

– Это мой сморкач! – вдруг услышал я довольный вопль Митро.

– Наш сморкач! – как эхо весело проорал Ветроша.

Так теперь ещё и он будет разговаривать со мной как с са- лагой?

Но эта парочка вернула меня в реальность. Я медленно подошёл к последнему препятствию – отвесной стене, вложил Адиль в ножны за спиной и, подпрыгнув и ухватившись за верх стены, легко подтянулся и перемахнул на другую сторону. При этом сумел не упасть звёздочкой, приземляясь.

Арэйс стоял рядом с устроившимися у кромки поля Митро и Ветрошей и смотрел на меня так, будто видел впервые. Когда я подошёл, он спросил:

– Что это было?

– Полоса препятствий, – выдохнул я устало.

– В последней схватке. Что это было?

– Я... Я не знаю. Что Вы от меня хотите? Вы отправили меня драться, я дрался.

– Конечно, – Арэйс поджал губы. – Но когда это ты научился так драться?

– Это он, – я поднял руку и большим пальцем показал себе за спину. – Это он. Я как будто повторял бой, который уже знаю наизусть, и понимал, что мне делать. Моё тело само понимало. Но...

– Что «но»? – резко спросил наставник.

– Это прозвучит как чушь собачья... Простите. Я уверен, что это он был в таких боях и знал, что нужно делать. И он просто отдал это знание мне.

– Интересно, – Арэйс снова поджал губы, а потом вдруг совершенно неожиданно улыбнулся. – Ну, не такая уж это чушь. Видимо, ты ему на самом деле нравишься.

– Кому? Мечу? Он вещь. Я был бы рад думать иначе, но... Мастер, простите, я прочитал кучу историй об Адиле. Там ни одного исторического факта! Сплошные сказки!

– А сказки откуда берутся? – наставник продолжал улыбаться, что ему, как ни странно, учитывая его внешность и род занятий, шло. – Давай-ка присядем и поговорим.

Мы устроились прямо там же – на траве, друг против друга. Митро и Ветроша сидели рядом – оба тише воды, но пялились на нас и подслушивали с однозначно заинтересованными мордашками.

– Послушай меня, Денис, – Арэйс сжал руки до хруста. – Ты знаешь, что историю делают великие личности? Именно на них опираются историки, когда выдают свою версию событий. Они знают всё: когда тот или иной герой (или злодей) родился, как и где жил, что делал, когда и при каких обстоя-

тельстввах умер. Но про оружие они не знают ничего! Им всё равно, как их герой одержал победу, сражался он палицей или мечом. Им важны сам факт победы и что за этим последовало. А теперь скажи, что в истории Элайи, например...

– Ильи Муромца, – перебил я наставника.

– Пусть будет Илья. Скажи, что в истории Ильи Муромца, которую ты знаешь, могло бы измениться, если бы он сражался не Адилем, а, скажем, Зульфикаром? Или Валудзу? Его, кстати, у вас на Терию называют «кровожадным мечом Мурамасы».

– Что Вы пытаетесь мне сказать?

– Что историю великих мечей могут достоверно знать только оружейники. Но они хроник и трактатов не пишут. Не на то учились. Но они рассказывают своим заказчикам то, что знают об оружии сами. Что слышали от других оружейников. Или от родителей, если являются частью династии оружейников. А вот заказчики пересказывают эти истории другим, те передают третьим...

И все дополняют её. Когда наконец находится писатель, способный передать эту историю по-настоящему (на папирусе, бумаге, бересте, не важно!), он рассказывает версию, которая через сотни, тысячи пересказов обросла такими подробностями, что стала похожей на сказку.

– Но это не значит, что сказка не основана на правде! – встрял решивший в очередной раз сумничать Митро.

– Точно! – усмехнулся Арэйс, показав мячику большой

палец.

Тот на глазах раздулся, как будто вот-вот лопнет от самодовольства.

– Ладно. Но что тогда в легендах об Адиле правда, а что вымысел? – я не мог об этом не спросить.

Хотя догадывался, что именно услышу.

– Не знаю, Денис. Ты сам решаешь, во что тебе верить.

– Хотя бы скажите, ему действительно шесть тысяч лет?

– Скорее всего, больше, – задумчиво глядя на меня, ответил Арэйс. – Но в твоём случае это не так важно. Да, у него была долгая и интересная жизнь. Но разве ты сам не видишь, не чувствуешь, как он тебя бережёт? Он выбрал тебя, и он тебя бережёт! – наставник вздохнул. – Тут даже не только и не столько гордиться надо... Хотя я бы гордился. Очень! Но иногда, если тебя кто-то любит, лучше просто принять это. Порадоваться и принять.

А не разрушать нечто прекрасное сомнениями и вопросами, ответы на которые на самом деле тебе совсем не нужны.

Глава 5. Кузькина мать и явление Фарро

*«Мастерство – это когда „что“ и „как“
приходят одновременно».*
(Всеволод Мейерхольд)

Расставшись с Арэйсом, мы поспешили домой. Я в душ и на завтрак, Ветроша – только на завтрак, а Митро – за компанию. Ну, или чтобы меня доставать...

– А ты когда научился так палкой махать? – выдал мячик, выкатившись вперёд и крутанувшись вокруг себя, едва мы отошли от тренировочной площадки.

Я решил подыграть:

– Всегда умел. А сморкачом просто притворялся.

– Ну нет! Так не притворишься! – и давай хохотать, прямо передо мной накатываясь по тропе спиралью.

Вот что за вредный колобок? Любой баттл языком выигрывает!

– Ветроша, он хамит, клюнь его как следует! – попросил я летающего зигзагами над тропой пернатого.

– Я лучше тебя-я-я клюну-у-у! – пропел Ветроша, сделав вид, что атакует меня в лоб.

Он почти столкнулся со мной и тут же быстро отлетел – поближе к Митро, после чего эти двое начали угорать на па-

ру. Один так и катался спиралью и ржал, а второй нарезал круги над ним по воздуху. И тоже подхихикивал. Как разыгравшиеся дети, честное слово.

– Митро, кстати, ты мечу не груби. Если верить Арэйсу, Адиль живой.

– Ты тоже живой, и что? Тебе тоже не грубить? А как жить тогда? – хохотнул мячик, весело перемигнувшись с пернатым.

– Да, как тогда жить? – подхватил Ветроша.

– А ты лучше молчи, если комочков хочешь! – поддразнил я пернатого.

Ветроша, судя по всему, даже испугаться моего шантажа не успел. Митро тут же проорал:

– Не молчи! С мечом он или без меча, комочки мы из него вытрясем!

Ну точно, дети!

– А вы знаете, что грубость может аукнуться? – спросил я их чуть позже, когда мы сели завтракать.

– Аук... Что? – переспросил Митро максимально иронично.

– Я расскажу. У Стеллы в деревне есть дача, маленький домик...

– О, история про Стеллу! – обрадовался Митро.

– А что такое деревня? – озадаченно спросил Ветроша.

Началось!

– Маленький город. Очень маленький.

– Так и говори!

– Хорошо. У Стеллы в маленьком городе есть маленький домик. Она ездит в него на выходные...

– На что она ездит? – уточнил пернатый.

Я с надеждой посмотрел на Митро, но он, на удивление, его не прерывал.

– Это дни недели, когда у нас на Тери не нужно работать.

– А в другие дни нужно, что ли?

– Нужно! Чёрт, Ветроша! Давай потом, а? История не об этом!

Пернатый примирительно поднял крылья:

– Ладно-ладно! Хотя я не чёрт!

– Новый сосед, паркуясь, сшиб и переехал ёлочку, которую местные дети наряжали каждый Новый год.

– А... – начал было Ветроша.

– Стоямба! – не выдержал и Митро. – Он потом тебе расскажет, что такое ёлочка и Новый год!

– Спасибо, Митро! Так вот, он сшиб ёлочку. Это дерево, очень красивое. «Вы понимаете, что Вы наделали?» – крикнула увидевшая это Стелла, когда водитель выбрался из машины. «Ты эту землю и эту ёлку купила?» – гаркнул он в ответ. «Нет, но... А почему Вы обращаетесь ко мне на ты?» «Отстань!» – заорал новый сосед ещё громче, отмахнулся и пошёл в дом. Стелла уже потом узнала, что зовут его Тимур, что он – кардиохирург, причём один из лучших, к нему люди едут со всей страны...

– Кардио... кто? – это уже Митро.

И он туда же?

– Врач. Лечит сердце. Ребята, я потом расскажу, что такое сердце, хорошо? – я дождался, пока они, переглянувшись, кивнули, а потом продолжил. – В тот день он не смог спасти пациента. Его никто не смог бы спасти. Но он пытался, надеясь, что сможет совершить невозможное. И злость на самого себя была такой сильной, что он после той операции решил не ехать домой, к семье, а снял на выходные первый попавшийся домик в деревне. Тот самый, который был рядом с летней избушкой Стеллы... Операция, – решил пояснить я, глядя на озадаченные мордашки мячика и пернатого, – это процедура, лечебная, очень сложная. Так вот, в тот день, после грубости соседа, настроение у Стеллы тоже испортилось, поэтому оставаться в маленьком домике она не захотела. Закрыла домик, села на мотоцикл и уехала в город. А вечером ей позвонили знакомые из деревни сказать, что задержали забравшегося в её домик через открытое окно вора и сдали его полиции. А «вором» оказался тот самый грубиян.

– Он нагрубил, так ещё и грабить полез? – удивился Митро. – Какой идиот!

– Нет. Как потом выяснилось, Тимур, немного придя в себя, решил извиниться перед Стеллой. Съездил в супермаркет, купил торт и цветы. Но достучаться до неё не смог – и забеспокоился, что пожилой женщине стало плохо. Обошёл дом, надеясь, что она копается в огороде, увидел откры-

тое окно и полез в него вместе с тортом и цветами, подумав, что если хозяйки нет, то просто оставит ей подарки и записку с извинениями. На его несчастье, соседи увидели, как какой-то незнакомый им мужик лезет в окно, заблокировали его в домике и вызвали полицию.

– И что было потом? – деловито спросил Ветроша.

– Они со Стеллой стали друзьями, после того как вместе написали объяснительные и съели торт.

Ветроша и Митро синхронно нахмурились, переглянулись, а затем Митро спросил:

– То есть если грубить и грабить, то в итоге дадут торт?

Сказать, что я был в ауте от такого вывода, это не сказать ничего.

И сообразить, что ответить на это, не успел. Потому что посидеть как следует за нашим, как бы сказала Стелла, эпикурейским завтраком, состоящим из овсянки на сливках с изюмом, вкуснейшего солёного сыра и булочек с корицей, мы не смогли. В голове раздался нетерпеливый голос Эилиля: «Мы уже ждём вас, молодые люди!»

Нам пришлось быстро закончить и... бежать, лететь, катиться изо всех сил.

Я спросил Митро, который бодро мчался впереди и во весь голос возмущался тем, как нас «загоняли эти бородатые», чего он-то понёсся:

– Ты же не учишься. Спокойно можешь отдыхать!

– Отдыхать? – мячик резко притормозил, развернулся и,

возмущённо сведя бровки, задал вопрос. – А кто за Ветрошей присматривать будет? Да и за тобой, болтливый ты мешок с костями?

– Кроме тебя, некому, – рассмеялся я и тут же получил осязаемый пинок по ноге от Митро, а от Ветроши – короткий, но мощный ветродуй в лицо, от которого у меня чуть щёки не сдуло.

Поверить не могу. С их точки зрения, им насмешничать можно, а мне нельзя!

...Эилиль с Целусом действительно уже ждали нас у фонтана. При этом Целус нетерпеливо топал ногой, а Эилиль сжимал и разжимал кулаки. У обоих были такие сосредоточенные и, вместе с тем, недовольные, растерянные лица, словно они всю ночь не спали, писали контрольную, но с задачей так и не справились.

Как выяснилось, примерно так оно и было.

– Мы почти подрались, споря о методиках, которые могли бы сработать с эвролом, – кивнул Эилиль на деловито устраивающегося на бортике фонтана Ветрошу. – Потому что вчера ни одна из них не сработала. Мы перелопатили тонну манускриптов, но ничего кардинально нового не нашли. Если и не найдём, то я даже не знаю, имеем ли мы право учить кого-то магии, – тут он печально усмехнулся. – Знаю один ваш терийский стишок, где маленькая обезьянка не может понять, что делать с очками... Вот и мы, как та обезьянка...

– Это не стишок. Это басня «Мартышка и очки», – не знаю, зачем я это пояснил, но мне стало дико жаль наставников. – Всё будет хорошо! Может, вам просто снова поработать с ним?

– Ха! А вот у голого вчера всё получилось! Пока вы тут бороды жуёте, обезьян вспоминаете! Да вы...

– Митро! – гаркнул я на мячик, который тут же захлопал глазками, типа: «А что такого?»

Но хотя бы откатился в сторону и замолчал. Впрочем, наставники были в таком расстроенном состоянии, что на его выпад даже внимания не обратили.

До чего он хитрый! Арэйса боится и никогда ему не грубит. А с нами ни в чём себе не отказывает!

Ветроша тем временем, перелетев на крыло бронзового дракона, сосредоточенно начищал пёрышки, как будто всё происходящее вокруг никак его не касалось.

– Эилиль, давайте просто посмотрим, что получится, – предложил я наставнику.

– Хорошо, – Эилиль кивнул, но вся его фигура, как, впрочем, и Целуса, выражала недоверие и озадаченность. – Ветроша! – позвал он, тот тут же уставился на него. – Давай попробуем вместе сплести заклинание на лёгкий, тёплый ветерок. Я по...

Договорить он не успел – Ветроша что-то быстро проклекотал, а потом у меня в голове нежно заиграла флейта, и всех нас обдал лёгкий и тёплый – как заказывали! – ветерок.

– Очуметь можно! – только и смог сказать Целус, восторженно подставляя обе руки под вихрящиеся вокруг воздушные потоки.

– Да, так можно и очуметь, – изумлённо признал Эилиль, не сводя глаз с Ветроши, который, как мне в этот момент показалось, рисковал свалиться с фонтана от недержания восторга самим собой.

Более того, Митро, катающийся у бортика фонтана, тоже выглядел гордым и сияющим, как будто выиграл в лотерею миллион.

– Как Вы думаете, коллега, вчера этот индивид издевался над нами?

А иначе что это было? – недоумевал Эилиль.

– Даже не знаю, что Вам на это ответить, – произнёс Целус. – Но из тупика мы вышли! Определённо! Скажите-ка, юноша, – обратился он к Ветроше, будто в молитве сложив руки перед собой, – а не хотите ли Вы сделать ветер чуть по-сильнее?

Клёкот. Новая мелодия флейты. И вот уже вокруг дуют настоящие, буквально толкающие нас с места завихрения.

– А ещё сильнее? – обрадовался Целус.

И тут же получил ветряной удар в бороду, от которого она распушилась в очень забавный седой веер.

– А можно дуть не прямо на нас? – усмехнулся Эилиль.

Флейта в моей голове весело свистнула в унисон с новым клёкотом пернатого. Ветрошин ветер сначала создал рябь

с гребешками на воде в чаше фонтана, затем поднялся вверх и устремился к кронам ближайших деревьев, а добравшись до них, начал раскачивать ветви в разные стороны.

– Это же ве-ли-ко-леп-но-о-о! Просто потрясающе! – довольный Целус разжал ладони и хлопнул ими несколько раз подряд. – Браво, мой дорогой!

Браво!

Вряд ли Ветроша до этого момента слышал слово «браво» и аплодисменты, но он понял, видимо, каким-то десятым чувством, что именно в этой ситуации надо сделать. Он расправил крылышки и выдал что-то вроде реверанса с вежливым поклоном, чем привёл Целуса в ещё больший восторг. Тот, глянув на задумчивого Эилиля, слегка тронул его за плечо и произнёс:

– Чудеса же! Но Вы недовольны, мастер?

– Я очень доволен, – Эилиль переступил с ноги на ногу. – Но мне интересно, что такого сделал голый, чего не смогли мы.

Так, всё-таки он не пропустил мимо ушей реплику Митро! А вот Целус явно пропустил, потому что непонимающе нахмурился и спросил:

– Какой ещё голый?

– Наш круглый жёлтый друг, – Эилиль кивнул в сторону довольного Митро, – так называет Тоута. Я угадал?

Мячик расплылся в улыбке, как будто его похвалили за что-то хорошее, и дважды моргнул.

– Это не от неуважения, – я решил сгладить ситуацию. – Просто мы как-то рассказывали Ветроше, что дети у птиц появляются на свет абсолютно голыми и лысыми...

– И при чём тут Тоут? – с ироничной улыбкой спросил Эилиль.

– А мы сравнили этих детей с его макушкой.

– Блестяще! – медленно произнёс Эилиль и... раскатисто захохотал.

А отсмеявшись, спросил:

– Но что всё-таки сделал мастер Тоут?

– Понятия не имею. Они меня выгнали с занятия. Но и Ветроша, и мастер после их тет-а-тет были довольны, как слоны. И, как видите, теперь у эврола всё получается с полпинка.

– Как слоны? С полпинка? Хммм, – хмыкнув, Эилиль покачал головой. – Никак не привыкну к твоим терийским словечкам... Но ладно. Если не возражаешь, мы продолжим заниматься с эвролом, а ты отправляйся на свои уроки. Что у тебя сегодня? Артефакты? Вот и дуй на артефакты!

– Вы сказали «дуй»? Тогда, похоже, Вы уже привыкли к терийским словечкам! – не удержался я.

Наставник с улыбкой махнул рукой: иди уже!

Я посмотрел на Митро. Дескать, ты со мной? Он тут же понял мой немой вопрос, крутанулся – «право-лево, право-лево» – и отвернулся к фонтану и Ветроше, всем своим видом давая понять, какая у него важная миссия – присмат-

ривать за эвролом.

Я решил не тратить время на прогулку и телепортировался на факультет артефактов, где сегодня, насколько я помнил, наша тема дня – драгоценные и полудрагоценные камни.

Обычно сердитая наставница на этот раз меня удивила. Стоило мне войти, Дейлин весело спросила:

– Клубнику любишь?

Она кивнула на большую хрустальную чашу на столе, полную крупных алых ягод, вокруг которой горкой были навалены разноцветные бархатные мешочки, а рядом стояло тёмно-серое, почти чёрное, плоское блюдо, больше похожее на поднос.

Потом мы вместе лопали клубнику, и она, пересыпая из мешочков в блюдо большие и маленькие сверкающие камешки, брала их двумя пальчиками по одному и рассказывала об их историях, разновидностях и, конечно, магических свойствах, объясняя, что нужно всё это учитывать при создании личных артефактов.

– Если ошибёшься с выбором, амулет будет недостаточно сильным. Или вообще отработает не так, как нужно. Хочешь ты, например, создать амулет на здоровье. Для этого лучше всего подойдёт чёрный турмалин. Вот он. А если цель – отогнать злые силы, то самый верный выбор – это рубин, – Дейлин указала на крупный ярко-алый камень в блюде, а затем прикусила очередную ягоду и сузила глаза. – Ты понимаешь,

что к следующему занятию тебе придётся вызубрить свойства всех драгоценных и полудрагоценных минералов?

– Вы уже перечислили штук двадцать... А сколько их всего?

– А сам ты как думаешь? – улыбнулась Дейлин.

– Пятьсот? – предположил я наобум.

– В пять раз больше только на вашей Терири!

– Да ладно! – вылупил я глаза. – А не на Терири?

– Судя по твоему: «Да ладно!», этого тебе, похоже, лучше не знать, – усмехнулась наставница.

– А как я тогда выучу их свойства?

– Я пошутила, Денис! – Дейлин ссыпала в блюдо содержимое очередного мешочка, явно любуясь разноцветной сверкающей кучкой. – Посмотри на них как следует! Посмотри! Ты должен научиться слышать камни. Чувствовать их. Говорить с ними.

– С камнями? Теперь ещё и с камнями? Мало мне дверей и мечей!

Скрыть свой сарказм мне явно не удалось, потому что Дейлин выпрямила спину и поджала губки:

– С таким отношением они тебе никогда не ответят!

Я не знал, что ей на это сказать. Помолчав, наставница вздохнула и мягко спросила:

– Чем мы, по-твоему, здесь занимаемся?

– Клубнику едим... – мрачно ответил я.

– Клубника – это прекрасно. Но мы здесь учимся видеть,

чувствовать, понимать, что мир не так прост, как кажется. Вот ты как считаешь? На твоей Териин есть люди, есть животные, есть растения, есть горы и реки... Кому из них, по-твоему, может быть больно?

— Людям. Животным, — я начинал понимать, куда она клонит. — Но Вы считаете иначе, да?

— Не я считаю иначе. Иначе всё на самом деле. На вашей Териин живое абсолютно всё, потому что Териин, как и любая другая цветущая планета, очень и очень живая.

Я молчал. Но, видимо, очень громко думал...

— Не веришь? — усмехнулась Дейлин. — Хорошо. Но как ты думаешь, почему на Териин с каждым годом происходит всё больше катастроф, землетрясений, цунами, извержений?

— Климат меняется?

— Климат меняется, потому что вы убиваете свою планету. Отказываетесь слушать её, хотя она очень красноречиво говорит с вами. Вы срываете с неё кожу, вырубая леса, вы загрязняете воду, которая, по сути, её кровь, вы копаете, долбите и бурите всё её тело ради якобы полезных ископаемых, разрушая тем самым её иммунную систему, и не понимаете, что все катастрофы — это и есть её ответ вам. Она борется с вами, как может. Как бы ты стал бороться, если бы точно так же нападали на тебя!

— Дейлин, при всём уважении, к чему этот экологический ликбез? Так мы дойдём до того, что морковка с репкой живые. И лужица на тротуаре... И столб с фонарём...

– А так и есть! – усмехнулась она. – Но я говорю о другом. Ваша планета и так отдала бы вам практически все свои богатства, если бы вы понимали её и научились нормально к ней относиться. Это как с человеком. Если тебе нужна какая-то вещь другого человека, у тебя есть три варианта взять её себе: вежливо попросить, предложить что-то взамен – на самом деле, это лучше совместить – или взять кувалду и треснуть этого человека по голове, а пока он в обмороке, забрать то, что тебе нужно.

– Но это разбой и грабёж...

– Правильно! Но именно так вот вы к своей Терии и относитесь. Боюсь, в какой-то момент она утратит все свои иллюзии на ваш счёт... и вот тогда я вам, людям, не завидую. Но есть хорошая новость. В тебе она что-то почувствовала...

Ну вот! Договорились до полной чуши! В меня влюбилась планета...

Дейлин словно снова услышала мои мысли и поспешила пояснить:

– Вся твоя сила – от неё. Поэтому ты можешь видеть и чувствовать намного больше, чем другие. Можешь! Иначе тебя бы здесь не было. Вот и используй свой дар, научившись относиться ко всему, что тебя окружает, так, как будто всё это может тебе ответить. И помочь, если это потребуется. И вот когда ты в это поверишь, по-настоящему поверишь, весь мир будет твоим.

И «за» тебя, – тут она как-то очень мило улыбнулась и до-

бавила. – Совсем как твой Митро.

От упоминания о Митро и неожиданной догадки у меня комок подступил к горлу. А ведь я действительно очеловечил его... Что если именно из-за меня он стал... живым? Вслух я этого не сказал, но, кажется, Дейлин поняла, о чём я в этот момент думал.

В качестве домашнего задания она вручила мне мешочек с несколькими камнями:

– Попробуй с ними поговорить. Но по одному! А потом расскажешь мне о том, что при этом чувствовал. Или не чувствовал.

...Когда я вернулся к фонтану, то застал почти идиллическую картину: удобно сидящего на разложенном на траве плаще Тоута Митро, самого Тоута, Целуса и Эилиля, которые полукругом выстроились вокруг чаши и наблюдали, как Ветроша, он теперь устроился на самом верху – между рожками на голове дракона, управляет смерчем: то затягивает в себя всю воду из фонтана вместе с рыбками, то аккуратно возвращает её назад.

Самым разговорчивым зрителем был Целус. Если Тоут и Эилиль молчали, то он вообще не замолкал:

– Поразительно! Упоительно! Невероятно! Хотя не ясно, как он это делает! Птица, которая понятия не имеет о давлении, температуре, атомах и молекулах! Но заклинания из него просто рекой льются! И ветер – ветер! – его слушается! – тут Целус посмотрел сначала на Тоута, потом

на Эилиля. – Завтра как? Попробуем с молниями?!

– Идея – огонь! – ответил ему Эилиль. – Но сначала громоотвод поставим.

– Не поможет! – решил сострить Митро. – По лысой макушке Ветроша точно не промажет!

– Не промажу! – подтвердил Ветроша.

– Митро! Ветроша! Вы обалдели, что ли? – заорал я, только представив, что Тоут может сделать с ними за подобные насмешки.

Но тот, к моему удивлению, лишь улыбнулся:

– Слышал бы ты, что твой Митро нёс до этого!

– Даже знать не хочу! – я покачал головой. – Простите! Я этим гопникам покажу кузькину мать!

– Кому? – с недоумением спросил Эилиль, пока Целус продолжал восторженно любоваться Ветрошей, не слыша ничего вокруг.

А Тоут слышал. И добавил:

– Да, кому ты устроишь мать? И кто такой Кузька?

Я вздохнул, тут же сообразив, что не смогу им объяснить природу этого выражения. Но выкрутился:

– Давайте потом, пожалуйста. А то история очень длинная.

...Конец этого дня прошёл, как и два предыдущих вечера. Мы даже поужинать нормально не успели, как к нам явились очередные гости. Я еле успел унести в спальню стойку с Адилем.

На этот раз визитёры не шли потоком, а ввалились оптом – целая группа преподавателей факультета магии воздуха. Громких, как стая чаек, и очень разных по обличию... Именно среди них был тот самый, похожий на классического чёрта из русских сказок, субъект.

Митро, который всё ещё торчал у нас, внимательно смотрел на толпу и, увидев рогато-хвостатого, сначала не удержался, плюнул прямо перед собой и буркнул: «Быrrrrка какая!», явно рассчитывая, что «чёрт» этого не услышит. Но тот услышал.

Он повернулся к мячику и вместо того, чтобы возмутиться, приложил свою руку-лапу к груди, сдержанно поклонился, а потом мягко сказал:

– Не совсем. Но я рад знакомству!

– Ой! – на моей памяти, кажется, впервые Митро смутился. – Неудобно-то как...

– Ну и что такое «Быrrrrка»? – шёпотом спросил я его, наблюдая за тем, как заполнившие почти всё пространство визитёры обступают диван с сидящим на его спинке гордым собой Ветрошей, который в этот момент больше походил на надутого индюка, чем на эврола, хотя и слегка обалдевшего от громкости и напора гостей.

– Тебе лучше не знать! – насупился мячик.

Все эти магистры магии воздуха хотели только одного – поговорить с Ветрошей, а потом своими глазами увидеть, как маленький, юный, ни дня не учившийся дебютант плетёт за-

клинания ветра.

Пока все они только болтали, я даже сумел расслабиться, перестав прислушиваться к галдежу и мечтая, когда все уйдут, сразу завалиться в кровать. Но дрёму у меня в голове вдруг нарушило мурлыканье флейты.

Сообразив, что это значит, я еле успел крикнуть:

– Стоп! Ветроша, нет! В комнате никаких ветродуев!

– Но они просят... – растерянно проклекотал Ветроша.

– Дуй, что есть сил! Диван всё равно уродский! – Митро сразу сообразил, что только что произошло.

А недолго он смущался!

К счастью, пернатый послушал не его: звук флейты у меня в голове резко оборвался.

– Уважаемые! – обратился я к наставникам и слегка вздрогнул, когда все они повернули головы в мою сторону. – Если вы хотите увидеть способности Ветроши, может, разумнее делать это снаружи?

Пауза длилась недолго.

– В парк тогда! Все в парк! – скомандовал высокий худой тип в сером балахоне, чьё лицо было чем-то похоже на кошачью мордочку, и, не дожидаясь реакции коллег, поспешил к двери.

Вся делегация послушно хлынула за ним.

Дверь – моя дверь! – открылась для них без каких-либо просьб!

– Ну что? За ними? – спросил я Ветрошу и Митро, пере-

водя взгляд с одного на другого.

– За ними, – согласился Митро и кивнул Ветроше. – Хотя зря, диван, правда, дрянь!

Представление, которое Ветроша, усевшись на один из ку-стов, устроил для преподавателей в парке, затянулось ещё на час. И, наверное, продолжалось бы дольше, потому что им всё было мало, если бы не явился ещё один гость – плечи-стый мужчина с сияющими глазами и ярко-рыжими, почти красными волосами, причём везде: у него даже брови и бо-рода были огненно-рыжими!

– Вы занимаете чужое время! – его голос прозвучал, как тигриный рык.

Удивительно, но толпа магов воздуха тут же засобиралась, спешно начав раскланиваться с Ветрошей и благодарить меня. Последним ушёл «чёрт», который не забыл поклониться Митро, чем вызвал у того новый приступ смущения.

Чужое время? Они что, график посещения эврола составили?

– Меня зовут Фарро, – проводив взглядом «чёрта», обратился ко мне новый гость. – Я белангрикст факультета магии огня.

– Белангрикст? – переспросил я. – Не очень понимаю...

– Почти главный, – шепнул мне Митро. Почти?

– Главный там Мигет, – шёпотом же добавил Митро.

– Мне нужно поговорить с эвролом, – судя по тону, к воз-ражениям этот Фарро не привык. – Наедине!

Не подчиниться ему нам с Митро даже в голову не пришло.

Мы отошли подальше, но так, чтобы видеть Ветрошу и гостя, и улеглись на траве.

О чём всё это время думал мячик, не знаю, но я, время от времени глядя на огоньки на тёмно-синем полотне неба, мучительно тосковал по Лере, прокручивая в голове всё, что она говорила, вспоминая, как улыбалась мне там, на Мити...

Мы успели задремать, поэтому от внезапного и громкого рыка: «Мы закончили!» оба подскочили, как ужаленные.

Фарро стоял совсем близко, нависая над нами. А Ветроша мирно сидел у него на плече.

– Эврол устал!

Ещё бы он не устал! Мы все устали.

Я поднялся с травы. Ветроша тут же перелетел ко мне на плечо.

– Сейчас спать! Все спать! – приказал Фарро. – А завтра без опозданий!

Ответа он ждать не стал. Развернулся и широкими шагами быстро пошёл к тропе, скрестив руки за спиной, так что пришлось кричать ему вдогонку:

– Без опозданий куда?

Он скрылся из вида раньше, чем я услышал ответ в голове: «На занятия по магии огня!»

Подняв с травы Митро, настолько сонного, что он даже не ругался, я потащил моих приятелей домой. Мячика

устроил на диване, Ветрошу – на подоконнике, а сам ещё около часа ворочался в кровати, безуспешно пытаясь уснуть и думая о Лере.

Наконец я позвал её, даже не надеясь, что телепатия может. Всё-таки Оранжевый мир так далеко от Терири! Но я не мог не попытаться...

«Лера... Лерочка! Всё так странно! Если бы ты только знала...»

«Что, мой хороший?» – я даже не сразу поверил, услышав в голове её нежный голосок.

«Это действительно ты? Ты меня слышишь?»

«Конечно, слышу! – это прозвучало немного грустно. – Как ты там?»

Я сам понимал, что мой рассказ звучит хаотично. Я пытался рассказать ей всё и сразу: о своей практике, о появившемся в моей жизни Ветроше, о Фарро, который свалился нам как снег на голову...

Наконец спросил, как там все.

«Твои родители в полном порядке... Дэнни прекрасно справляется!»

«А кто не в порядке? Стелла?» – казалось, моё сердце замерло в этот момент.

«О, нет-нет-нет! Ты не так понял! – Лера поспешила пояснить. – Просто Стелла очень испугалась, когда я рассказала ей о твоей академии. Ты же понимаешь, я не могла ей наврать...»

«Понимаю...»

«А знаешь, что она сказала мне, когда я рассказала ей про ту планету с тигром? – тут я почувствовал, что Лера улыбается. – «Мне завидно-завидно-завидно! А знаешь, деточка? Если бы меня кто-то свозил на другую планету, я бы этого кого-то приковала к одной своей руке и – для верности – крепко держала бы второй».

«Тебе не надо меня держать, – я сам не понял, как у меня это вырвалось. – Моя жизнь и так принадлежит тебе!»

Она не ответила. Но я чувствовал, что она всё ещё на связи.

«Лер?»

«Да».

«Ты сказала: «Дэнни справляется...»

«О! Здесь твой двойник. Я думала, ты знаешь... Он отличник. Кажется, он доучится до золотой медали. Он вообще всё делает безупречно. Но... Он не ты! Хотя, кроме нас со Стеллой, этого вообще никто не видит... Денис?»

«Я здесь...»

«Мы скучаем! – она сделала паузу. – Я скучаю! Вернись ко мне, пожалуйста! Не сейчас, но... Я же всё понимаю. Но... Как только сможешь, вернись ко мне!»

Я словно видел её лицо в этот момент.

«Я очень постараюсь!»

Глава 6. Позор Терии и магия огня

Мама забирает сынишку от стоматолога:

– Сынок, что нужно сказать тётё?

– Я тебя запомнил!

(Фольклор)

Утром я проснулся не от будильника и не от щекотки перьями в ушах, а от короткого глухого стука об пол и громкого возмущённого «Кхрррррбра!» в исполнении Ветроши.

Воодушевлённый своими успехами он проснулся очень рано, заскучал, но Митро будить не стал. Как потом пояснил, «жалко стало, он такой маленький». Тогда Ветроша взялся за моё одеяло: вцепился в его край клювом и принялся тащить к краю кровати. В итоге не рассчитал инерцию и глухо шлёпнулся на пол вместе с одеялом.

А меня ему, получается, не жалко...

– Ты цел? – свесился я с кровати, пытаюсь разглядеть Ветрошу, который, фыркая, копошился под накрывшим его одеялом.

Наконец он сумел высунуться наружу:

– Вставай! День уже начался! Мы на занятия опоздаем!

Я потянул одеяло и, натягивая его себе на голову, попросил Ветрошу успокоиться:

– Отстань! Ещё слишком рано! Лучше поспи, как мы

с Митро!

— А когда не рано? — я почувствовал, что одеяло с меня опять начинает сползать.

Снял его с головы. Точно, пернатый стоит, зажав край одеяла в клюве, и тянет.

— Понял! — я вздохнул. — Поспать ты мне не дашь, ранняя пташка. Надо было тебя Жаворонком назвать, а не Ветрошей. Который час?

Ветроша выплюнул одеяло из клюва и спросил:

— Который чего?

А ведь точно! Который чего... Я же здесь ни разу о часах не думал! Более того, нигде на Атласе я их не видел! Ни разу! Ни маленьких, ни больших, ни даже песочных.

Не то, чтобы о времени тут совсем не думали. Утром меня поднимал будильник. Потом в голове я слышал напоминания, что уже пора — на тренировку, на занятия... Но в остальном этот мир — и я в нём! — как-то обходится без часов.

Интересно, а как они тогда живут? Как встречи назначают?

Через три оборота Милды после сто восемнадцатого всплеска водопада?

Я посмотрел на Ветрошу, который в этот момент снова хватанул клювом край одеяла и выжидающе уставился на меня: тянуть или не тянуть...

— Отпускай! — махнул я ему рукой. — Встаю!

Но отпустил он одеяло только после того, как убедился,

что я действительно поставил ноги на пол.

Я потянулся, подошёл к окну – всё-таки у меня здесь невероятный вид!

Рассвело. Милда уже «зажгла» бриллиантовым блеском реку, разливающуюся по дну ущелья. Но, разумеется, была ещё далеко не в зените.

Всё-таки, насколько сейчас рано?

– Алиса! – со смехом проорал я в потолок. – Сколько осталось до подъёма?

И чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда одновременно прозвучали испуганный крик Митро, о котором я в этот момент совсем забыл: «Да чтобы у тебя язык отвалился», и ласковый женский голос: «До подъёма осталось 47 минут».

– Отлично! Теперь я знаю, как обращаться к тому, кто мне стирает и снабжает меня обедами! Алиса! – услышав характерный звук плевка, я повернулся к мячику, сердито пялившемуся на меня с дивана. – Митро, прости. Это всё твой краснопузый друг виноват!

– Ты нас не поссоришь! Он-то не орал на рассвете!

– Как сказать... Ладно, не злись... Ветроша! – позвал я.

Он тут же прилетел из спальни и, как ни в чём не бывало, приземлился на диван рядом с Митро, а я спросил:

– Что будешь на завтрак?

– Орехи и комочки! – радостно заявил он.

– Даже не сомневался! Алиса!

– Да, – отозвался ласковый женский голос.

– Приготовь, пожалуйста, яичницу с беконом и какао для меня, орехи и булочки с корицей для моего друга, – попросил я в потолок.

– Конечно! – тут голос стал ещё более вкрадчиво ласковым. – Вы получите свой завтрак после зарядки.

– Типа пока не заработал? А если я уже с голоду умираю?

– Согласно моим данным, вы сейчас находитесь в оптимальной физической форме. Гибель от голода вам не грозит минимум в течение ближайших двух недель, – нежно проговорил голос, а затем добавил с иронией. – Даже без яичницы с беконом и какао.

Поверить не могу. Она меня троллит!

– И сока не дашь?

– Какой предпочитаете в этот замечательный светлый день?

– Берёзовый, – вздохнул я.

Пусть помучается в поисках берёзового... А затем, поделившись напитком с Ветрошей, я предложил им с Митро отправиться со мной на пробежку:

– Как у нас на Териин шутят, раньше сядешь – раньше выйдешь.

– Ага. И крепче поспишь, когда ты наконец умотаешь! – буркнул Митро, откатываясь в угол дивана и закрывая глаза. – Иди, беги... А мы ещё поспим. Да, Ветроша?

И тут же засопел, не дожидаясь ответа пернатого.

Тот сначала неуверенно потоптался, а потом поднял на меня вытаращенные глаза и кивнул головой в сторону двери, беззвучно открывая и закрывая клювик. Горе-заговорщик!

Намёк я понял: уходим тихо!

Посадил Ветрошу на плечо. На цыпочках дошёл до стойки с Адилем.

А потом подхватил кроссовки – и так же, на носочках, добрался до двери, прошептав ей:

– Открой, пожалуйста, без звука.

Обувался и прикреплял к спине меч я уже за дверью. А что, мячик тоже человек! Пусть спит!

...Бежать было очень приятно, несмотря на некоторую ломоту в мышцах. Но это тот случай, когда разминать их в удовольствие.

Воздух был свежим и каким-то сладким. Надо мной зигзагами летал Ветроша, издававший звук, чем-то похожий на «фьюирть». И, кажется, какая-то живность в кронах деревьев ему отвечала.

Он что, передразнивает местную фауну? Или язык учит?

Алиса оказалась права: день и правда обещал быть замечательным. Солнечным. Или, вдруг подумалось мне, если отталкиваться от местного солнца, «милдочным»?

Но больше всего меня сейчас занимал другой вопрос.

Если я вчера бился по-боевому, то каким было задание у кукол? Что, если они тоже дерутся по-боевому? Тогда лю-

бая ошибка с моей стороны – и они меня просто разнесут на кусочки. Как я тогда доберусь до фонтана? Отдельно ногами, отдельно руками, отдельно головой? А там соберусь заново?

Бред.

И поможет ли тогда фонтан? Одно дело – лечить царапины и мозоли, и совсем другое... Да, нет. Не может быть, чтобы наставник так рисковал...

Или может?

В конце концов, когда-то всё должно начаться по-настоящему. Так почему не сейчас? Игрушки в сторону, добро пожаловать в реальный мир.

Но боялся я даже не того, что могу пострадать сам. Вчера я уничтожил несколько тренировочных кукол. И мне от этого... не по себе. Будь у меня время, я бы перед каждой там порыдал, сидя на коленях. Но это же просто куклы. Неживые. А я учусь сражаться с живыми. Что, если я, оказавшись лицом к лицу с реальным живым врагом, не смогу его ударить? Или не смогу ударить сразу, и тогда раньше успеет он?

На Терии я даже комарам давал шанс улететь, говорил: «Лучше брысь!», прежде чем решался их прихлопнуть... Что, если я, несмотря на все свои навыки, буду воином, который не может драться? Как артист со страхом сцены: поёт хорошо, а при зрителях падает в обморок.

Похоже, мне есть о чём поговорить с Арэйсом. Хотя и так понятно, что он ответит: или ты, или тебя. Умом понятно.

Сердцем – нет. Вон тот же Ветроша, в этот момент издавший очередной весёлый «фьюирть», он же изначально был мой враг. И что, по правильному я должен был его... убить?

Ну нет. Даже представить этого не могу. И не хочу. Лучше уж он меня...

Стоп. А третий вариант разве невозможен? Мы с Ветрошей доказали обратное! Поняли друг друга, подружились. Но, конечно, в следующий раз враг может оказаться тем, кому не нужны будут ни переговоры, ни компромиссы.

Я уступлю, а он решит, что это слабость.

Тут я поймал себя на мысли, что бегу уже по вроде бы знакомой тропе довольно долго, но полосы препятствий и в помине нет. Поднажал, так что Ветроше пришлось убавить угол его зигзагов, чтобы не отставать. Каким же было моё удивление, когда прибежали-прилетели мы прямо к двери моих апартаментов. То есть сегодня я обойдусь без драк с куклами?

Митро в апартаментах уже не было. Зато на столе красовался завтрак – такой, как заказывали. Я принял душ, видимо, не очень быстро: поев своих булочек и орешков, Ветроша успел понакусывать и мою яичницу.

– Ты мог просто сказать, что хочешь яичницу.

– Зачем? Вот же она! – буркнул он, проглотив очередной кусочек.

– Это моя!

– Пффф! – фыркнул он, а потом хихикнул и снова демон-

стративно клюнул желток. – Что твоё, то наше!

– Смешно! Ладно, скоро наставники тебя развлекут.

– Или я их! – самодовольно заявил Ветроша.

– Или ты их.

Никогда ещё я не ел жареные яйца так быстро и наперегонки с птицей.

До фонтана мы добрались без приключений, так что я вообще не понял, что это было с тропой на утренней пробежке.

Все трое – Эилиль, Целус и Тоут – уже были там, стоя полукругом вокруг Митро. Мячик увидел нас первым и тут же проорал, выкатившись нам навстречу:

– Бросили меня! Поганцы и предатели!

Слегка поклонившись обернувшимся на нас наставникам, я возмутился:

– Вообще-то мы проявили заботу, ушли тихо, чтобы ты поспал!

– И кто из вас, поганцев, решил, что это хорошая идея? – вкрадчиво спросил Митро, сузив глазки.

Я даже смотреть на Ветрошу, который тихо пристраивался на бортике фонтана рядом с трио магов, не стал, поняв, чего тот хотел бы:

– Митро, это я. Ветроша был против, он хотел остаться с тобой, – тут я буквально кожей почувствовал душевное облегчение пернатого. – Прости.

А теперь скажи, ты можешь проводить меня на факультет магии огня? Без тебя я не справлюсь...

– Не справится он! – заворчал Митро. – Как друзей бросать, так это он первый! А потом: спасите, доведите, помогите! Я чудило! Я блудило! Развели сморкачей-недоучек! За мной иди, позор Тери!

Оставив Ветрошу на наставников, я потопал за быстро покотившимся по тропе Митро, который всю дорогу продолжал ругаться и пытался пнуть носом то и дело выбегавших перед нами кукусов. Или делал вид, что пытается, потому что ни разу по ним не попал. Розовые зверьки каждый раз в самую последнюю секунду с задорным визгом улепётывали в траву.

Я так увлёкся наблюдением за манёврами мячика и кукусов, что оказался совсем не готов к окончанию нашего маршрута и к тому, что увидел.

Он появился будто из ниоткуда. Огромный, похожий на готический (как говорят у нас на Тери) замок с одиннадцатью башнями, изнутри светящийся ярко-алым светом. Этот свет был даже не из окон, а буквально пробивался из каждого кирпича.

Смотрелось очень красиво. И при этом страшно.

Ночью, наверное, вид здесь вообще улёт... Обязательно посмотрю!

– Ну вот, сморкач, – буркнул Митро, развернувшись, и тут же пнул меня по ноге. – На тебе факультет магии огня. Дальше сам! А я к Ветроше.

И помни: мы с тобой ещё не договорили!

Посмотрев с минуту, как он катится назад, крикнув ему вслед: «Спасибо!» и услышав в ответ что-то вроде: «Тьфу на тебя!», я пошёл прямо к центральному входу. Огромная железная дверь – вся в причудливой гравировке – оказалась открытой: я лишь слегка толкнул её, чтобы проверить, и она тут же отошла, мягко, без единого скрипа.

Ну хоть эту упрашивать не пришлось.

В просторном холле не было ни души. Мебели, впрочем, тоже. Только золотистые чёрно-алые фрески с драконами, горгульями на несущих колоннах, потолке и стенах и пол, сплошь выложенный однотонными серыми каменными плитами.

Я несколько раз покрутился вокруг себя, чтобы осмотреться. Примерно на пятом обороте наткнулся взглядом на Фарро, подпирающего плечом одну из боковых колонн и внимательно осматривающего меня. Готов поклясться, что всего десять секунд назад его там не было.

– У Вас здесь грандиозно, мастер! Доброе утро!

– Счастлив, что тебе понравилось. Налюбовался? – произнёс наставник немного иронично.

– Ещё нет. Но готов делать то, что Вы прикажете!

– Отлично. Надеюсь, любишь огонь?

Вопрос был настолько неожиданным, что я даже не сообщил, что мне ответить.

Что значит «любишь огонь»?

Он и полезен, и опасен. Как я должен любить его?

Мои метания, очевидно, не остались незамеченными.

Фарро вздохнул и кивнул куда-то мне за спину:

– Потом ответишь. Или это будет уже не важно. Пока давай присядем и просто поговорим.

Куда мы тут присядем? На камни, что ли?

Но, обернувшись, я увидел в паре шагов деревянную скамью со спинкой.

Фарро за три размашистых шага дошёл до неё и уселся с одного края, приглашающе хлопнув рукой по другому краю:

– Теряем время!

Когда я сел рядом, наставник откинулся на спинку и сказал:

– А я вот люблю огонь!

Затем, помолчав с минуту, продолжил:

– Я не знаю, поможет ли тебе этот разговор. Не знаю, годишься ли ты для магии огня и годится ли магия огня для тебя... Посмотрим. Но магия огня – это сила, суть которой многие академикусы уловить так и не смогли. Частая ошибка – это уход в детали, тогда как надо думать о сути. Тогда и детали... подтянутся. Скажи, что такое, по-твоему, магия огня?

– Способность создавать огонь и управлять им.

– И чем она тебе интересна?

– Ну... Вы верно сказали, это сила. И, по-моему, самая сильная из всех магических сил.

– Сила, которая может привести к быстрому и очень заметному результату, так?

– Так.

– Тебе нужны спецэффекты, сынок?

Интересно, чего он хочет от меня услышать? Иногда спецэффекты – тоже полезная штука... Особенно, если враг не знает, что они спецэффекты.

– Кстати, – вдруг сказал Фарро. – Насчёт самой сильной магической силы ты ошибаешься. Все четыре стихийных магии относительно равны. Маг любой из них при должном мастерстве может уничтожить любого врага. Забудь о стерео-

типах, что маг огня сильнее мага воды, мага земли или мага воздуха. Результат сражения никогда не предопределён.

– Тогда почему Вы выбрали огонь? – осмелился я задать вопрос.

– Я же сказал, я его люблю. Но огонь – очень противоречивая стихия. Он может давать свет, тепло, уют, а может – боль, страдания и смерть. С магией огня – та же история. Она простая и одновременно сложная.

– Ну уж точно не простая! – возразил я, и Фарро, кажется, понравилось, что я не только слушаю, но и, так сказать, подаю реплики.

– Смотри, огонь – это горение. Горение – это цепная реакция окисления топлива. Но не любое окисление есть горение...

Ну вот. «Началось в колхозе утро!» Ликбез по физике...

– Для возникновения огня, – продолжал тем временем наставник, – нужны всего три компонента: топливо, окислитель и температура. Если все три компонента есть, то будет и огонь, если нет – не будет огня. Что сложного?

– Не знаю. Но должен быть подвох.

– Не совсем, – тут я впервые увидел, как Фарро усмехнулся.

Ох, какой же он конопатый-то! Даже пальцы на руках и сами ногти у него с веснушками.

– Вся сложность возникновения огня именно в этой простоте.

– И как это понимать? – до меня не дошло.

– Подумай на досуге. Вводной части на сегодня достаточно. Сейчас тебе пора на теорию, поэтому поспеши. Будут вопросы – задавай, я тебя услышу.

Я даже ответить ему не успел. Фарро исчез в ту же секунду. А когда я встал со скамейки, в воздухе растворилась и она. Спасибо, что не подо мной!

Что это было вообще? Смотрины?

Я топал по тропе, совершенно не думая, куда иду, и пытался понять, как мне правильно вести себя с этим Фарро. Он, конечно, тот ещё индюк... Интриги нагнал, ничего не объяснил, а потом: «Думай!»

О чём думать-то? Как полюбить огонь?

Я не заблудился, несмотря на своё туманное после разговора с Фарро состояние и отсутствие путеводного Митро, каким-то чудесным образом притопав прямо к своей двери. В комнате взял свечку и вышел в парк, устроившись в тени огромного бука. А когда попал на мою ментальную учебную полянку, присел у стенки шалаша и честно прослушал урок, но понял разве что треть из того, о чём говорил голос. Раз двадцать прогнал лекцию по кругу. Без толку. Всё равно тупил, как пень.

Решил остановиться, когда сообразил, что на голограмме появилось нечто знакомое. Значки из таблицы Менделеева, только здесь она была какая-то странная: раза в два больше земной, и половину загогулин я точно никогда раньше не ви-

дел. Получается, элементов в мирах намного больше, чем мы знаем?

Стоп.

Уловил я лишь то, что горение – сложный процесс преобразования веществ в продукты сгорания в ходе реакций, при этом интенсивно выделяется тепло... А ещё, что светящаяся зона называется фронтом пламени или просто пламенем.

Всё?

Больше никаких «блестящих» мыслей?

Похоже, нет...

Как там Митро выразился? Позор Терию? И не поспоришь.

Повезло же мне, что я могу хотя бы говорить «стоп» и начинать всё сначала. А если бы не мог? То, что? Упускал бы знания, и непонимание предметов росло, как снежный ком? А потом вылетел бы за двойки, лузер.

Ну, не за двойки, их здесь нет, а за непригодность к магии.

Вопрос: что мне делать сейчас? В 555-й раз запросить повтор лекций? Или, как говорит Стелла, сначала проспать, голову почистить и только потом героить?

Но я же понять хочу! Не теряя ни минуты!

И вдруг меня как пробило: Фарро же сказал про три компонента! Их и надо изучить. А то я как выпендрёжник на шоу поваров, решивший испечь блины из ста видов муки, тогда как и одной хватило бы! Чего я лезу в дебри?

Во-первых, топливо.

Оказалось, в этом качестве могут выступать многие вещества. Их подразделяют на три группы: негорючие, трудногорючие и горючие. Хотя гореть при определённых условиях может даже то, что обычно не горит. То есть гореть может всё?

Упс. Нет. А вода? Она же не горит?

Бесстрастный голос лектора на мой вопрос о воде ответил:
– Вода отлично горит в атмосфере фтора бледно-фиолетовым пламенем, в результате этого горения выделяется кислород.

Вот так да!

Спросить про второй компонент я не успел, время занятия истекло, что меня, если честно, расстроило: только дошло, как действовать... Ощущение было, как будто я ночь в очереди за новым смартфоном отстоял, а последний экземпляр достался 90-летнему пенсионеру, который купил его на замену своей сломавшейся «кнопке».

Что теперь, ждать следующего занятия? Или сделать новый заход?

Устроив небольшую разминочную пробежку и попросив у Алисы сока – на этот раз томатного, я схватил новую свечку и снова пошёл под бук.

На поляне уселся на прежнее место у шалаша и без предисловий сказал:

– Теперь давайте про окислитель.

– Без окислителя тело не может загореться, – монотонно

начал голос. – В роли окислителя чаще всего выступает кислород, но могут быть и другие элементы. Например, хлор или фтор. Но хлор и фтор чрезвычайно ядовиты, так что использовать их не советую. Любая ошибка может привести к трагедии.

– Понял. Только кислород. Теперь температура.

– Ты спешишь. Но хорошо. Температура возгорания зависит от свойств топлива и окислителя. Температура воспламенения большинства твёрдых материалов, например, дерева, составляет около 300 градусов по Цельсию, как измеряют у вас на Териин. После возгорания температура горения значительно повышается.

– Насколько значительно?

– В два-три раза. Например, температура горения обычной спички может достигать до 800 и даже до 1000 градусов.

– Так. А откуда берётся пламя? Весь этот свет?

– Энергия, которая выделяется при сгорании, побуждает электроны на орбитах вокруг атомов переходить в нестабильные высшие состояния. Затем они возвращаются на более низкие уровни, сбрасывая энергию в виде фотонов света, которые мы и видим в виде пламени. Красного, оранжевого...

– Голубым оно тоже бывает. Я видел.

– Цвет пламени зависит от температуры, – голос немного дрогнул, как будто его носитель в этот момент улыбнулся.

Его смешит моё нетерпение?

– Например, костёр горит при температуре 590—1200 градусов по Цельсию. При этой температуре некоторое количество углерода из горючего топлива не сгорает. Углеродные частицы смешиваются с огнём и освещаются его светом, что и придаёт огню жёлтое или оранжевое свечение. Однако если температура огня увеличивается, цвет сразу меняется. При температуре 1260—1650 градусов по Цельсию пламя поглощает весь углерод. Без «выживших» частиц углерода, которые могли бы изменить цвет, огонь как раз начинает гореть ярко-голубым цветом. При этом многие химические элементы могут окрашивать пламя и в другие цвета. Например, титан и алюминий в белый цвет, селен – в синий, калий – в фиолетово-розовый, а барий – в зелёный. А бывает даже невидимый огонь.

– О-бал-деть! Но давайте сначала про видимый. Почему огонь всегда похож на купол или капельку?

– Потому что нагретый воздух внутри пламени и над ним легче окружающего его воздуха, поэтому формируются восходящие потоки, которые подтягивают огонь вверх. Получается купол или капелька. Но это в условиях гравитации. В невесомости, где нет восходящего движения воздуха, пламя приобретает сферическую форму.

– То есть шарика?

– То есть шарика, – подтвердил голос.

Я откинулся на спинку шалаша, только в эту секунду поняв, что даже не шевелился всё это время, настолько был

сконцентрирован. Да и сейчас не мог расслабиться. Как графоман с диким творческим зудом, у которого руки чешутся сесть за свою писанину, потому что он уверен: уж на этот-то раз получится шедевр! Даже если до этого 283 раза выходила полная чушь.

Я тут же хотел сплести своё первое заклинание огня. Но раздался сигнал об окончании занятия. Ёлки, у меня что, действительно, есть шанс стать магом как минимум двух стихий?

Глава 7. Укрощение сильфа

*– Ты, Зин, на грубость нарываешься.
(Владимир Семёнович Высоцкий)*

В отличие от меня, измученного сомнениями, у Ветроши день явно удался. Когда я вернулся за ним к фонтану, то обнаружил полную идиллию: наставники смеются и сияют, как начищенные алюминиевые вёдра, а пернатый, разложившийся на крыле дракона, кажется, вот-вот начнёт им раскладываться.

Целус увидел меня первым и в своём недержании восторга обошёлся без приветствий:

– Твой маленький друг – совершенство! Я никогда ничего подобного не видел! Он...

– Мастер, подождите... – попытался остановить его Эилиль.

Но Целус лишь нетерпеливо отмахнулся:

– Чего ждать, коллега? Вы ведь тоже никогда не видели никого похожего на Ветрошу! – кажется, наставника слегка потряхивало от переполнявших его эмоций. – Денис, ты знаешь, что он даже заклинаний не плетёт? Ему это не надо! Он то ли просит, то ли приказывает – и пространство его слушается! Воздух его слушается! Вот так всё просто! Благодаря нашему эвролу, друзья, я наконец понял, что такое настоя-

щая магия!

– Хочу творю, хочу вытворяю! – прокваркал Ветроша.

Я подошёл поближе и осторожно заметил:

– Настоящая магия? Немного забавно слышать это от ректора факультета магии воздуха.

– О, мой дорогой! Ещё немного, и я вообще начну сомневаться, своим ли делом занимаюсь!

Эилиль с Тоутом рассмеялись. Целус поддержал их, но всё-таки добавил:

– Зря смеётесь! Вас тоже касается! Всё, чему мы с вами так долго учились и чему учим академикусов, этот эврол может сделать одним движением коготка!

Кивком головы! Взмахом крылышка! И много ли мы в сравнении с этим стоим?

– Да, коготки у него отменные! – сказал Тоут, потеряв за правым ухом, что вызвало новый взрыв веселья наставников.

Интересно, о чём он? Ветроша ободрал ему череп? Даже знать не хочу!

– Думаю, Вы не правы, Целус. Вы все очень много стоите, – я правда так считал. – Стелла говорит, талант можно профукать, а вот трудолюбие – никогда.

– Можешь не стараться, я и так давно влюблён в твою Стеллу, – усмехнулся Эилиль.

Что на это сказать, я не знал, поэтому осторожно спросил:

– Если вы закончили с Ветрошей на сегодня, то, может,

мы пойдём?

– Конечно! Благодатного вечера! – улыбнулся Эилиль.

Тоут только кивнул, шутливым жестом из двух пальцев показав Ветроше: «Я тебя запомнил!»

А Целус, прижав обе руки к груди – вернее, к бороде на уровне груди, глядя на Ветрошу, с придыханием попросил:

– Завтра здесь же, мой маленький гений! В то же время! Ветроша кваркнул:

– Да-а-а!

И, слетев со статуи дракона, сделал круг над наставниками, а затем помчался нарезать зигзаги вдоль тропинки.

– Спасибо вам! – я изобразил головой что-то вроде поклона Эилилю, Целусу и Тоуту и пошёл догонять моего уже успевшего скрыться за поворотом летуна.

Нашёл его весело гоняющим по траве кукусиков. При этом зверьки, как всегда, вроде бы удирали от него со своим забавным визгом, но тут же вылезали снова, будто провоцируя... Детский сад!

– Чучела вы непуганые! – обозвал я кукусиков.

Но смотрелись их манёвры, если честно, очень смешно и мило. И тут мне вдруг пришло в голову, что есть ещё кое-кто, кому наверняка будет интересно познакомиться с Ветрошей.

Егорка!

– Ветроша! – позвал я пернатого.

– А-а-а, – отозвался он, делая вид, что вот-вот схватит за хвостик очередного кукустика, который, пища, как глиняная свистулька, улепётывал к ближайшему лопуху.

– Брось его! Дело есть! Тебе понравится!

Ветроша резко развернулся в мою сторону, а бедный кукусик затормозил у своего лопуха и даже взвыл от разочарования, обнаружив, что его больше никто не догоняет.

– Чего? – Ветроша подлетел ко мне и приземлился точно на плечо. – Сходим на факультет магии воздуха? Он очень необычный. Но чем-то похож на твой прежний дом...

– Где? – Ветроша аж затряс грудкой от возбуждения. – Где место, похожее на мой дом?

– Ты сам всё увидишь.

...Когда мы добрались до поляны сильфов с её огромными ивами, беседками и фонтанчиками, там было очень тихо. И ни души! Сложно представить, что это местечко обитаемо и через секунду может ожить. Да ещё как!

– Как же краси-и-и-во-о-о! Не так красиво, как у меня, но... Красиво-о-о! – промурлыкал Ветроша, вертя головой на все триста шестьдесят градусов. —

А почему здесь никто не живёт?

– Ошибаешься! Сейчас прилетят... Карлсоны.

Сказав это, я сунул два пальца в рот и от души свистнул. И тут же почувствовал, как Ветроша перелез мне на загривок и начал ввинчиваться под майку – прятаться. Тоже мне, великий маг, воин света...

Но подразнить его я не успел.

– Ветродуй припёрся!

Весёлый крик Егорки из ивовых ветвей словно эхом был подхвачен сильфами со всех сторон. Ветроша, услышав его, ускорился в самозакапывании ко мне под майку.

– Ветрош, не дури, вылезай обратно...

– Кхрррррбра! Кхрррррбра! – упрямо бормотал пернатый, упираясь клювом прямо мне в позвоночник.

И тут со всех сторон с крон деревьев, вычерчивая в воздухе пересекающиеся спирали, стайками начали слетать сильфы. Их было так много, что Егорку среди них я заметил только тогда, когда он молнией промчался прямо перед моим лицом, крикнув:

– Что встал, как пень усохший? Бурю гони!

А дальше произошло нечто неожиданное. Ветроша, ободрив мне спину коготками, я это почувствовал, за пару секунд умудрился вылезти из-под майки и, пытаясь не свалиться с моего загривка, задиристо заорал:

– Иди сюда, головопуз! Ушатаю!

– Ветроша, ты чего? – я попытался достать его из-за спины, но он увиливал от моих рук и продолжал орать своё:

– Ушатаю головопуза!

Откуда он знает такие слова? Хотя какие могут быть варианты?!

Сильфы тем временем прекратили свой полёт, притихли и зависли в воздухе со всех сторон вокруг нас, обмениваясь

между собой озадаченными взглядами.

– Ого! – Егорка подлетел ближе.

– Иди сюда, квадрокоптер плешивый! Ближе! – процедил Ветроша, который разошёлся не на шутку, и начал забира́ться на мою голову, обдирая до кучи ещё и уши.

Тут-то я и услышал причину его злости:

– Как ты смеешь так разговаривать с моим другом, великим магом?

– Кто великий маг? Король ветродуев? – хихикнул Егорка.

– Конец тебе, огрызок мусорной кучи!

– Ветроша, да какая муха тебя уку... – начал я и тут же замолчал, увидев, как вдруг изменилось личико Егорки.

Он наконец увидел, кто вылез у меня из-за спины и теперь стоял прямо на макушке. Очевидно, в очень воинственной позе, потому что и вид, и тон сильфа изменились до неузнаваемости:

– Ваша светлость, я идиот! Я думал... Я не знал... Это такое счастье видеть Вас здесь! – суетливо тараторил Егорка. – Больше такого не повторится! Я Вас никогда не разочарую! Могу я представиться и представить моих друзей?

Егорка извиняется?.. Просит разрешения представиться? Он же в хамской лиге Митро! Мир перевернулся, не иначе.

Мой шок от произведённого Ветрошей эффекта был таким сильным, что я даже не сразу уловил, какая звенящая тишина наступила вокруг. Сильфы в этот момент, кажется, вздохнуть боялись или пошевелить хотя бы кончиком крыла.

А Егорка особнячком висел в воздухе прямо перед нами с молитвенно сложенными ручками и взглядом ребёнка, которому показали ремень, но всё же надеющегося, что всё как-то обойдётся.

– Что это было? – спросил я в пространство, подняв руку и пощекотав одну из лапок Ветроши, которыми он держался за мои волосы, чтобы он понял, что мой вопрос адресован ему.

Пернатый молчал и на щекотку не реагировал.

А Егорка, судя по немигающему взгляду, направленному поверх моей головы, смотрел прямо в глаза гипнотизирующему его эвролу.

– Егор! – позвал я. – Егорка! Ау!

– Да-а-а, – хрипло ответил сильф и икнул, по-прежнему не отводя своего взгляда.

– Что происходит?

– Это же эврол! – прошептал Егорка. – Настоящий эврол!

– Знаю, и что?

– Ты не говорил, что у тебя есть эврол! А я никогда ещё не видел живого эврола! Почему ты никогда не говорил, что твой напарник – живой эврол?

– Мы с ним недавно... Но, если ты не видел эвролов, как узнал, что это он?

– Все сильфы знают про эвролов, – ответил Егорка, горестно сглотнув. – Это у нас память крови. И я... Я не знаю, что теперь делать. Его светлость никогда меня не простит! Я

тупица и неудачник!

– Его светлость тебя простит! – с некоторой иронией заявил я, всё ещё не понимая причину такой реакции.

Его светлость? Я снова пощекотал лапку на голове:

– Ветроша! Ветро-о-ош! Отзовись, прошу тебя!

– Чего? – сурово спросил пернатый, перетоптавшись у меня на макушке.

– Давай ты перестанешь пугать моих друзей! Я вообще-то хотел вас познакомить... Надеюсь, вы станете друзьями.

Молчание.

Сильфы напряжённо смотрели на нас сотнями пар глаз.

Я сложил руки лодочкой и поднял их максимально высоко надо лбом:

– Спускайся уже! Прошу тебя!

– Ну раз ты просишь, – со вздохом произнёс Ветроша (и откуда только этот покровительственный тон у него взялся?) и аккуратно спрыгнул прямо мне в ладони.

– Знакомьтесь, – обратился я к сильфам, прижав Ветрошу к груди и придерживая за алое пузико. – Это Ветроша. Ветроша! – тут я, на секунду отняв руку от его животика, махнул ею вокруг нас. – Это сильфы, дети ветра. Егорка у них главный.

– Спорный выбор главного, – пробурчал Ветроша. – А в остальном... Мне очень приятно! – и тут же начал вполне дружелюбно раскланиваться с осторожно подлетающими к нему по очереди сильфами.

Впрочем, когда дело дошло до Егорки, пернатый снова замер и красноречиво замолчал.

– Ну хватит уже, Ветроша! – шепнул я ему на ушко, почесав пузико. – Пора дружить!

– Он хамло! – шепнул мне в ответ пернатый, продолжая испепелять воинственным взглядом зависшего в ожидании прощения Егорку.

– Иногда! – усмехнулся я. – Но добрый. Он совсем как Митро... Ты же любишь Митро?

Ответить мне Ветроша не успел, потому что Егорка решил не ждать милостей от природы и сделал новый примирительный заход:

– Простите меня, Ваша светлость! Клянусь, я забуду все грубые слова, какие знаю! Я больше никогда не обижу Вас и великого мага! Ни делом, ни словом, ни взглядом! Клятва сильфа!

– Посмотрим! – после паузы ответил Ветроша и тут же медленно обвёл взглядом толпу колыхающихся вокруг сильфов. – А чего ждём, ребята? Время кататься на буре!

Только он это сказал, тут же откуда ни возьмись налетел и взмыл над ивами ветер – тёплый, ласковый, но очень сильный. Восторженно завизжавшие сильфы тут же устремились в его завихрения. Все, кроме Егорки.

– Хорошо, – сказал наконец Ветроша. – Будем друзьями! Но я прошу помнить: ты дух стихии воздуха, могущественной, светлой, чистой! И тебе, рождённому этой стихией, ни

в коем случае нельзя её позорить!

Личико Егорки, тут же прокричавшего радостное: «Да-а-а!», просветлело, а на голубых щёчках появился румянец.

Он что, покраснел? Сильфы умеют краснеть?

– А тебе разве не нравится моя буря? – игриво спросил Егорку Ветроша, кивнув на визжащих в порывах ветра сильфов.

– Она прекрасна! – выдохнул Егорка.

– Тогда почему ты, друг мой, ещё здесь?

– Его светлость назвал меня дру-у-уго-о-ом! – заорал предводитель сильфов, стремительно взмыв вверх. – Спаси-и-ибо!

Ну, можно сказать, познакомились...

– Ветрош, а откуда ты знаешь про сильфов? Что они, духи стихии и всё такое?

– Я гений! Ты забыл? – на полном серьёзе ответил Ветроша.

И тут же смешливо закваркал, когда увидел, как я удивился.

– Шучу. Тоут рассказывал. Ещё шутил, что сильфы – короли своих обещаний.

– Это как? – удивился я.

– Это так. Обещают и делают, – тут он хихикнул. – Ну а если обещают, но не делают, значит, пошутили.

В тот день Ветроша ещё дважды продлевал сильфам бурю, чем вызывал такой взрыв восторга, что от их визгов с виб-

рирующих деревьев листья сыпались. А когда я помахал, дав им понять, что нам уже пора, карапузики тут же слетелись ближе к земле и всей толпой проводили нас до самого выхода на тропу.

– Вы вернётесь к нам, Ваша светлость? – спросил Егорка.

– Да, Вы вернётесь к нам? – эхом прошелестели остальные сильфы.

– Конечно! – Ветроша поклонился всей крылатой демонстрации. – Как будет время вне занятий, я сразу к вам! Устроим «парад дронов» над облаками.

– Йууухоооуу! – счастливо завизжали сильфы, плавно устремившиеся ввысь, будто отпущенные с привязи воздушные шарики. – Его светлость назвал нас дронами!

– Но я не... – начал было Ветроша, но сообразил, что сильфы его, пока летают, не услышат.

– А ты откуда про квадрокоптеры и парады дронов знаешь? – спросил я у него.

– Я, по-твоему, в яме живу?

– Нет, но...

– Я читаю! – огрызнулся Ветроша. – Каждый день. Не тебя одного пускают в библиотеку.

Интересно, чего он там ещё начитался!

...На следующее утро после пробежки и завтрака меня ожидал сюрприз: Ветроша заявил, что сам полетит на занятия. И пока я раздумывал, как на это реагировать, расположившийся по центру дивана Митро хихикнул:

– Наш карапуз вырос! Сморкач ему больше не нужен!

Я не успел понять, как это произошло: в то же самое мгновение мячик взлетел в воздух, как выпущенный из катапульты, несколько раз там крутанулся, а потом упал обратно на диван, но в угол и неловко – с размаху и лицом вниз.

– Фто ты фделал, полофёнок!

Это Митро? Ругается из положения «лицо в матрасе»?

Наконец ему удалось вывернуться:

– Ты обалдел, краснопуз?

– Перестань, – отчеканил растопыривший лапки на подоконнике Ветроша, – обзывать Дениса сморкачом! Друзья так не поступают!

– А так? Так поступают? Ты мне нос хотел сломать! – возмущённо копошась, прокричал Митро.

– Успокойтесь оба! Вы чего? – ещё не хватало, чтобы на моём диване подрались говорящий мячик и волшебная птичка!

– У тебя нет носа! – сорвался на крик Ветроша. – А если бы и был... Если бы я хотел его сломать, ты бы в дверь улетел! А не в поролон!

– Ах, ты ж перьевая...

– Стоп! – я встал точно между ними. – Парни, вы чего? Вы же бро!

– Чего? – спросили спорщики дуэтом, разом повернувшись ко мне.

– Ну, братья! Вы не ссориться должны, а быть горой друг

за друга! Как настоящие бро!

– И за тебя мы должны быть горой! – выдал Ветроша. – Ты нам тоже бро!

– Отлично! Мы все друг другу бро! Поэтому брейк, ладно? Перестаньте ругаться!

– Если хамства не будет, то ладно! – милостиво ответил пернатый.

– Да пошёл ты туда, откуда пришёл! – а вот Митро решил не мириться.

– Видишь? – Ветроша ещё шире расставил лапки и задрал крылья (выглядело это, как руки в боки). – Безнаказанность даёт силы хамству! Только отпор воспитает хама! Только отпор!

– Сам ты хам! Клуша неоципанная! – выкрикнул Митро. – Денис, ты кого к нам притащил? Зачем он нам нужен? Хорошо же жили!

– Митро, но, может, Ветроша прав... Разговаривать нужно...

– Да пошли вы оба! Облезлые кукусики вам бро! – с этими словами мячик плюнул в нашу сторону, скатился с дивана и рванул к двери, которая безропотно перед ним открылась и сразу же закрылась, как только он оказался снаружи.

– Ветроша... – я повернулся к пернатому. – Я, конечно, благодарен тебе за защиту. Но мы с тобой сейчас обидели Митро, понимаешь? Нашего бро! Он вот такой, но он ради нас полез бы в огонь и в воду...

Воинственный Ветроша на глазах превращался в нерешительного и робкого.

– Но он же должен понять, что мы ради него тоже пойдём куда угодно! – он посмотрел на меня с надеждой и, едва не плача, добавил. – Я же хотел, как лучше! Что мне теперь делать?

Я понял, что немного сержусь:

– Знаешь анекдот? Это такая смешная история. Поссорились пернатый и колобок, а затем решили подраться. Пернатый говорит: «По клюву не бить!» Колобок: «По морде тоже!»

– Не смешно! – отчеканил Ветроша.

– А, по-моему, смешно. Или вот ещё один. Парень говорит: «Ненавижу, когда девушка плачет во время ссоры. Если она не умеет ссориться, куда лезет?»

Ветроша пару минут смотрел на меня, не мигая, а потом нахмурился и спросил:

– Это я, что ли, девушка?

– Ну, ты ещё со мной поругайся! – я злился всё сильнее: теперь надо думать, как их помирить. – Я пытаюсь разрядить обстановку!

– Пока ты её только заряжаешь!

– Ну да, я виноват. Ветрош, иногда лучше сначала прикинуть последствия... Ладно, он поймёт. А если нет, мы ему объясним, как мы его любим. Всё будет хорошо. Сейчас меня ждёт библиотека. А тебя – трио твоих поклонников-ма-

гов... Ты уверен, что сам до них доберёшься?

– Уверен, – вздохнул эврол, по мордашке которого отчётливо было видно, о чём или, вернее, о ком он сейчас думает. Точно не о магах.

Впрочем, переживания Ветроши по поводу ссоры с Митро его успехам никак не помешали: наставники настолько были им довольны, что, кажется, при десятибалльной шкале отметок за успеваемость (если бы в академии вообще была такая шкала) они ставили бы ему сто.

Я как-то решил спросить Эилиля, насколько Ветроша талантливее меня. Наставник с улыбкой ответил:

– Ты не хочешь об этом знать!

Я возразил:

– Хочу!

– Не-е-ет! – улыбка Эилиля стала ещё шире. – Поверь мне. Сильфы превратились в Ветрошину армию фанатов.

Он действительно стал залетать к ним каждый день – пусть даже всего на пять минут: навертит им ветряных круговоротов и... назад, на занятия. Как Дед Мороз с подарками в детском саду. Только Новый год у сильфов благодаря ему был каждый день...

Но я был рад, как быстро Ветроша стал своим среди обитателей Атласа и академии. Я же прекрасно помнил, что эвролы – уроженцы тёмных миров.

И с самого начала очень боялся, что кто-то начнёт воспринимать пернатого как врага. Огорчала лишь их ссора с Мит-

ро.

Мячик с того дня так и не появлялся у нас в апартаментах. К фонтану и полосе препятствий тоже не прикатывался. Мы не говорили об этом с Ветрошей, но, думаю, оба понимали, что одинаково сильно переживаем.

При этом я был благодарен Митро за то, что даже в разгар ссоры он не сказал Ветроше: «Тебе здесь не место, тёмный!»

Да, поговорить с ним нужно. Если честно, я скучал...

Но тем временем тренировался, читал – даже больше, чем раньше! – и с нетерпением ждал, когда Фарро позовёт меня на практическое занятие по базовой магии огня. Очень хотелось всё, что я вычитал и уже представлял в теории, попробовать на практике. Ну, или хоть что-то.

Когда наконец этот день настал, и я, потягивая утренний сок, увидел в расписании заветное: «Практика по базовой магии огня», то чуть не захлебнулся от восторга. Наконец-то!

Даже на полосе препятствий в это утро мне наподдавали больше, чем обычно. Так что я потом минут десять в лечебном фонтане отмокал, высунув наружу только нос, потому что думал не о битве на мечах и кулаках, а лишь о том, как я – я! – создам свой первый огонь.

Глава 8. Спасти великого свина

*«Этот огонь ничего не сжигал – он согревал...
Он и не знал, что огонь может быть таким».*
(Рэй Брэдбери)

Первое, что я сделал, оказавшись на учебной поляне, позвал наставника:

– Вы здесь, мастер?

И после паузы услышал:

– Кто это «Вы», и кого конкретно ты ожидаешь?

Голос был явно не тот. У Фарро он резкий и громкий. Этот звучал вкрадчиво, но так, как будто его обладатель намного старше и слегка застудил горло.

– Того, кто будет за мной присматривать, чтобы я не спалил всю поляну.

– Да, это делать необязательно, – с усмешкой заметил голос. – Ладно, я проконтролирую. Жги.

Жги? Он сказал «жги»?

– Я пошутил. Ничего я не спалю.

– Уверен? – вопрос прозвучал с заметной иронией.

– Уверен. Все же говорят, что я талантливый. А талантливый человек талантлив во всём.

– Ну да, – не задержался с ответом голос. – С болванами такая же ситуация.

А я ведь уже слышал этот голос! Но где?

– Итак, что ты хотел бы создать?

Я решил сделать вид, что не принял «болванов» на свой счёт:

– Для начала что-то простое...

– Разумно-о-о, – прозвучало как-то... мяукающе? – Огненный шар интересен?

– Конечно! Классно пульнуть его с горки на врагов. Я в кино видел. Но там их из сена валяют, обливают смолой и поджигают, пиная с горки на вражеские укрепления...

– Прелесть какая, – сыронизировал голос. – Но ты должен обойтись без сена и смолы. Это было бы слишком просто. Для мага, во всяком случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.